

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ИННА БЕЗИРГАНОВА

**ОНА БЫЛА
ЗВЕЗДОЙ**

НАТАЛЬЯ БУРМИСТРОВА

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ОНА БЫЛА ЗВЕЗДОЙ

НАТАЛЬЯ БУРМИСТРОВА

Тбилиси
2014

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения, а в начале XVII века Россия стала религиозным и дипломатическим покровителем Иверской земли. При Петре Первом на берегах реки Пресни была заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особенно тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» - первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

При финансовой поддержке

**Департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы**

Руководитель проекта –

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ

© **Русский клуб. 2014**

ISBN 978-9941-0-7145-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

▲ Наталья Бурмистрова

Мы живем в стране мифов и легенд. Одним из таких прекрасных мифов давно уже стала народная артистка СССР Наталья Михайловна Бурмистрова. Само звучание этого имени рождает у тбилисцев множество волнующих воспоминаний, ассоциаций, ощущений. Потому что Бурмистрова – это красота, обаяние, стиль. Бурмистрова – это талант, вдохновение, жизнелюбие. Бурмистрова – это Театр... Она действительно стала городской легендой, неотделимой частью грузин-

ской культуры, национального образа страны, который невозможно представить без этнического многоголосия, культа театра и красоты... И она, очаровательная, талантливая, навсегда привязавшаяся к Грузии, некогда встретившей ее ласковым солнцем, доброжелательными улыбками и восхищенными взглядами...

Трудно писать о личности, с которой была связана нежными, дружескими отношениями. Кто-то может увидеть в посмертных откровениях проявление тщеславия, желания примазаться к славе знаменитости. Да и самому как-то неловко говорить о близком, родном человеке...

В течение восьми лет мне было даровано счастье общения с Натальей Михайловной Бурмистровой, слушать ее, наблюдать за ней в самых разных обстоятельствах и ситуациях. Не скажу, что доверительность в отношениях возникла сразу, с первых дней контакта, когда я пришла к актрисе с предложением написать книгу о ее жизни. Поначалу Наталья Михайловна отнеслась к этой идее с некоторым недоверием, особенно увидев холодную технику – диктофон. Диктофон она и в дальнейшем не желала признавать, настаивая на том, чтобы я записывала текст от руки – с помощью бумаги

▲ И.Безирганова и Н.Бурмистрова

и ручки... Так и началась наша совместная работа над автобиографической книгой Натальи Бурмистровой «Путешествие во времени». Я внимала и записывала... Актриса тщательно обдумывала каждое слово, к моему очередному приходу была, как говорят, во всеоружии. И всегда стремилась к лаконичности, немногословию. Не только потому, что нас торопили издатели. Просто в этом она следовала одному из своих жизненных принципов: «Скромнее!» Ей претили дешевые откровения некоторых знаменитостей, изданные многомиллионными тиражами для удовлетворения любопытства дуры-публики. Именно поэтому в книгу не вошли многие сочные моменты ее биографии, которые, несомненно, привели бы в восторг «охочих до

остренького» читателей. Я пыталась настоять на большей откровенности, открытости, но Бурмистрову не просто было переубедить... Будучи сдержанной в книге, она была раскованна, открыта, артистична в своих устных рассказах в кругу (довольно узком!) друзей. В них проявлялся ее искрометный юмор, наблюдательный, острый ум, необыкновенное жизнелюбие... Позднее Наталья Михайловна жалела, что какие-то моменты ее незаурядной судьбы не стали частью книги, но уже ничего нельзя было изменить. Что написать пером, не вырубить топором... И, тем не менее, кое-что из не вошедшего в «Путешествие во времени» было опубликовано в газетах и журналах и сохранилось, извините за патетику, для потомков, пусть и в таком виде. Так, она поведала об одном интересном эпизоде из своей личной жизни в материале «Что на роду написано...», расширив рассказ о дальневосточном периоде своей биографии...

Общаясь с Натальей Михайловной, я всегда понимала, чувствовала, что она сделана из особого, прочного материала. Впрочем, как и многие другие представители ее поколения. Именно сила духа, характер помогали ей справляться с многочисленными недугами, не впадать в отчаяние, будучи в течение многих последних лет жизни прикованной к постели. И это человек, привыкший быть на виду, активный, деятельный, обласканный славой и любовью окружающих! Но актриса не сдавалась, черпала оптимизм в

юмористических передачах по телевидению, в общении с друзьями и милым котом Дымкой, в подаренном букетике цветов, чтении газет и журналов (пока позволяло зрение), в воспоминаниях... в творчестве, да-да, в творчестве – теперь литературном. Она с радостью обнаружила в себе литературные способности и относилась к публикации своих воспоминаний в различных СМИ со всей серьезностью и ответственностью. Могла не раз переделывать написанное, доводя до совершенства свой очередной опус... Признаться, иной раз я даже готова была взбунтоваться: ну сколько можно переделывать? Но Наталья Михайловна была непреклонна: только так, а не иначе! В итоге от тщательной шлифовки материал только выигрывал. В каждой публикации Бурмистровой сквозила ее неповторимая индивидуальность, особенность мышления, огромная любовь к театру. Кому-то ее слог казался, возможно, слишком простым, безыскусным. Думаю, эта оценка несправедлива – в безыскусности ее рассказов проявляются непосредственность и глубина мысли, обаяние личности, что, несомненно, исчезло бы при специальном редактировании, «сглаживании» текстов. Исчезла бы душа – а это в воспоминаниях Бурмистровой было самым главным...

«Говорят, что театр не терпит соперничества. И действительно, он был самой большой, единственной, пожизненной моей любовью. Если вы спросите меня, была ли я счастливой, я без колебаний отвечу: «Да!

Я была счастлива». Меня удивляет, когда работу в театре называют профессией. Нет, театр – не профессия. Это образ жизни, религия. И я всегда жила с этой верой», - писала Наталья Михайловна.

С Грузией она была связана почти всей своей жизнью. Бурмистровой не раз представлялась возможность уехать в Россию, работать на лучших сценических площадках, но она сохранила верность театру имени А.С. Грибоедова. Хочу отметить, что она во всем была такой – верной, преданной до конца. О таких говорят: человек чести. Наташа Бурмистрова была именно таким человеком чести. Она не меняла привязанностей, однажды принятых решений – для нее это был момент принципиальный.

«Бурмистрова стала частью грузинской культуры, неотъемлемой принадлежностью нашего города, страны. Жаль, что Наташа долгие годы была вне театра. Кроме уважения к искусству Бурмистровой, я испытывал к ней чувство любви – чисто по-человечески. Она была очень принципиальным, строгим и вместе с тем очень добрым человеком. Такие актеры, как Наташа, необходимы театру не только своими ролями, но и самим своим существованием, они играют большую роль в жизни театра. Она фундаментально укрепляла театр», - говорил Гига Лордкипанидзе...

Наталия Бурмистрова не замыкалась в своей профессии, всегда была очень деятельной – восемь лет была депутатом Верховного со-

вета СССР и к своим обязанностям относилась неформально, чутко откликаясь на все просьбы избирателей... А ситуации бывали разные и часто требовали от Бурмистровой нестандартных решений, принципиальности.

Конец жизни у актрисы был отнюдь не праздничным, но случались и радостные дни. Таким днем стал ее юбилейный день рождения – 90 лет! Помню, как она волновалась перед приходом гостей, едва справляясь со своим больным сердцем. Потом были цветы, подарки, комплименты, телекамеры, интервью, чтение поздравительных телеграмм от высокопоставленных особ... А когда все улеглось за стол, Наталья Михайловна преобразилась, словно вновь оказалась на сцене, перед публикой – стала вести живой диалог, шутить... Думаю, в эти мгновения Бурмистрова была счастлива. А вот уходила она по-другому – тихо, почти в одиночестве. Тем более что уход великой актрисы совпал с военным кошмаром – событиями августа 2008 года. Кстати, даже на пороге смерти Наталья Михайловна интересовалась политическими новостями, переживала очередное обострение российско-грузинских отношений. Во время траурного митинга кто-то подчеркнул, что Бурмистрова была символом, живым воплощением русско-грузинского культурного братства. В больнице над умирающей актрисой читал молитвы глубоко верующий грузинский врач, а отпевал ее грузинский священник. На грузинском языке. А где-то рядом

разворачивался трагический сюжет братоубийственной войны.

Увы, у Наташи не было детей, о чем она всегда очень сожалела, обвиняла себя в связи с этим в эгоизме. Но, вероятно, и здесь сказал свое слово закон судьбы: «что на роду написано». Ведь рождение детей, как и браки, посылается свыше.

Однажды Наталья Михайловна мне сказала: «Я прочитала за свою жизнь столько книг, столько всего повидала! Неужели со смертью человека уходит, исчезает целый мир мыслей, знаний, чувств? Не верится». Мне тоже не верится...

Когда человек жив, ты не до конца ценишь дар общения с ним, мгновения близости. Кажется, что так будет завтра, послезавтра... всегда. А потом осознаешь: ты мог быть внимательнее, сказать или сделать то, воздержаться от этого. Да элементарно – выслушать, когда нет времени или настроения для общения. Ведь после смерти уже ничего нельзя исправить – досказать недосказанное, спросить о чем-то важном, лишний раз обнять. Потому что уход человека – это тотальное, вечное молчание. Между живыми и ушедшими становится непроницаемая стена – молчание. Тишина. Наташа однажды замолчала... Навсегда.

РОЖДЕНИЕ АКТРИСЫ

Наталья Бурмистрова появилась на свет 14 марта 1918 года в небольшом белорусском городе Борисове, в семье провинциальных артистов — Михаила Степановича Бурмистрова и Софьи Леонтьевны Морской, что, конечно, не могло не повлиять на ее судьбу.

Об отце Натальи Бурмистровой можно найти немало информации в интернет-ресурсах. Как пишет в небольшой интернет-заметке Александр Розенблюм, Михаил Степанович Бурмистров (1892-1968) родился в Бугуруслане, а в Борисов его забросила армейская служба. Здесь прапорщик-большевик встретил и памятный 1917 год. Трудно объяснить этот факт, но борисовчане увидели в нем человека, способного возглавить советскую власть в их уезде, и в декабре 1917-го Бурмистров был избран первым председателем Борисовского Совдепа.

«Сложным было то время, работы хватало по горло. Вскоре город захватили кайзеровские оккупанты, требовалась организация сопротивления. И неудивительно, что немцы с целью подавления своих противников арестовали Бурмистрова, пытавшегося с помощью товарищей разоружить незваных пришельцев. Но председатель недолго находился

▲ Михаил Бурмистров

под стражей: большевистские подпольщики в результате успешной операции его освободили. Малоизвестно, что деятельности Бурмистрова и его соратников в Борисове белорусский писатель Рыгор Хацкевич посвятил свою книгу «На золку» («На рассвете»). Стоит отметить, что Михаил Степанович, несмотря на неимоверную перегруженность основной деятельностью, умудрялся отвлекаться от работы для участия в художественной самодеятельности. Страстно увлекаясь театром, он и сам играл в любительских спектаклях. После окончания гражданской войны это увлечение настолько захватило Михаила Бурмистрова, что стало смыслом его жизни. Бурмистров оставил политику ради сцены, работал в театрах разных городов и закончил карьеру главным режиссером Горьковского театра юного зри-

▲ Наташе (справа) 12 лет

теля», - пишет автор заметки.

Заслуженный артист Чувашской АССР, заслуженный деятель искусств Чувашской АССР Михаил Степанович Бурмистров сделал неплохую карьеру, став не только театральным актером, но и режиссером. Окончив в 1915 году частную драматическую школу, служил актером в антрепризах, играл Чацкого, Овода, Гамлета, позднее овладел режиссерскими навыками. В 1919-29 гг. работал в труппе политпросвета Бугуруслана, театрах Ставрополя, Волгограда, Костромы, Курска, Новосибирска, Кузбасса. Руководил театрами рабочего поселка Невер Амурской области, города Алдан, Колхозно-совхозным театром Западной Сибири. На Всесоюзном смотре Колхозно-совхозный театр Саратовской области под его руководством занял второе место (1937). С 1938 по 1946 годы Бурмистров – главный режиссер и актер русского драматического театра Чувашии. Поставил свыше 200 спектаклей.

О матери Натальи Бурмистровой мы узнаем из воспоминаний послед-

ней. Вырисовывается пленительный женский образ – вероятно, именно ее обаяние унаследовала дочь: «Моя мама, Софья Леонтьевна Морская, - маленькая, худенькая, похожая на подростка женщина с темной кудрявой головкой и прелестным личиком. Мне кажется, я и сейчас слышу ее голосок, ощущаю теплый, нежный аромат, исходящий от нее, ласковое прикосновение маминых рук... Она играет всех очаровательных девушек, поет, танцует».

Наталья Бурмистрова с раннего детства впитала воздух кулис. В то время как ее сверстники играли в прятки и куклы, Наташа уже жила театром, не представляя себе другой судьбы. В память актрисы навсегда врезались театральные впечатления тех лет:

«...Я сижу в высоком кресле, обитом парчой. Наверное, это чей-нибудь трон. Я болтаю ногами, которые не достают до пола, судорожно вцепившись руками в подлокотники, и наблюдаю за тем, что происходит на сцене. Как это прекрасно! Боже мой, как это прекрасно!»

Да и на сцену маленькая актриса впервые вышла в пять лет: в пьесе «Царь Федор Иоаннович» она играла мальчика Юрашу.

«...Идет страшная сцена, когда боярина вызывает к себе Иван Грозный и в гневе бросает в него посох. Я – Юраша – кидаюсь на царя, колочу его кулачками, плачу: «Будь ты проклят!» Юрашу поднимает Малюта Скуратов, бросает через всю сцену – и мальчика ловит отец. Я захлебываюсь от

рыданий, дрожу, забывая, что это сцена. Публика плачет», - рассказывала Бурмистрова спустя годы.

Дебют оказался на редкость удачным, и с тех пор все детские роли репертуара поручались Бурмистровой. Семи лет Наташу отдали в школу, а предприимчивая дирекция стала готовить детские утренники, в которых она выступала. Даже афиши выпускались: «С участием маленькой актрисы Наты Бурмистровой». Девочка играла в спектаклях «Кот в сапогах», «Красная шапочка», «Мальчик-с-пальчик». Благо, что она обладала феноменальной памятью: быстро запоминала не только свои роли, но и роли всех участников спектакля.

«Я никогда не была беспомощным ребенком, который не знает, что и как говорить. Я играла образ, причем сразу. Мне не нужен был никакой режиссер. Вспоминаю такой случай. Во время репетиции спектакля «Кот в сапогах» режиссер предложил мне войти в дверь и сказать «Здравствуйте!» Но я возразила: «Нет, я буду прыгивать с печки, умываться лапками, а потом говорить: «Мр-р-р! Добрррррый день!» Актеры захохотали, а режиссер сказал: «Боже мой! Если она станет актрисой, заплачут от нее режиссеры!» К счастью, этого не случилось. За мою долгую актерскую жизнь я всегда была в ладах с режиссерами, мы взаимно уважали друг друга и никогда не мешали в работе», - пишет Наталья Михайловна.

Девочка жила счастливой, наполненной жизнью. Училась легко.

Но в девять лет Нату Бурмистрову подстерегла беда: мама оставила отца и уехала с другим. С которым, кстати, прожила потом всю свою жизнь. Оскорбленный отец не отдал Наташу матери и отправил ее к своим родителям в заштатный городок Бугуруслан, под Самарой.

ДЕТСКИЕ ФАНТАЗИИ И ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Так Наташа попала в Бугуруслан – забытую богом дыру. Тамашний дедушка был довольно образованным человеком и работал старостой местной церкви. С бабушкой, женщиной неграмотной, они жили плохо, поскольку замуж ее отдали насильно. С горя бабушка пила. Вечные скандалы, доходившие до драк, не украшали существования маленькой Наты. Жили они в собственном доме в слободке, имели огородик и даже корову. Первое время как-то перебивались, а потом в стране начались страшные голодные годы. Корову и половину дома пришлось продать. Жить стало новилось все труднее. Дед тяжело заболел и скончался, бабушка вскоре ушла за ним при довольно трагических обстоятельствах. А родители совершенно забыли о существова-

нии дочери. Мать вспомнила о ней, когда дочери было уже 45 лет: увидела фотографию на обложке журнала «Огонек». Но встретиться им так и не довелось. А отец, уйдя на пенсию, приехал к Наталье Бурмистровой в Тбилиси и до самой кончины жил у нее.

После смерти стариков девочку взяла к себе сердобольная соседка, портниха Наташа Косматова – помогать по хозяйству. Это позволило Наташе окончить школу...

Вспоминая юные годы, Бурмистрова рассказывала о своих странных детских фантазиях. Она любила выдумывать и доносить до аудитории что-то необычное, из ряда вон выходящее.

«Я могла, например, прийти в класс и сказать: «Ой! Я сейчас видела на улице пожар. Горел дом. Женщину из огня вытаскивали». Окружающие охали-ахали, я была в центре внимания «зрителей» и забывала, что через несколько часов все

пройдут мимо этого дома, увидят, что он стоит цел и невредим, и будут называть меня «врушей», дразнить и давать подзатыльники. Но это ничему не учило меня, и я выдумывала все новые катаклизмы. И вот однажды я сидела перед началом урока, уставшая от беготни на перемене, и наш преподаватель Клавдия Васильевна, которая, кстати, училась когда-то с моим отцом, спросила меня: «Талья, ты что такая скучная?» За секунду до этого я не думала ни о чем, и вдруг, помимо воли, у меня вырвалось: «Да у меня папа помер!» - «Как?» - «Да вот, письмо получили!» Клавдия Васильевна воскликнула: «Господи! Зачем же ты пришла? Иди домой, небось, там старики плачут!» У меня фонтаном брызнули слезы. Захлебываясь от плача и безумно страдая, под сочувственные взгляды я вышла из класса, съехала по перилам лестницы со второго этажа вниз и спокойно пошла домой. Я шла, не осознавая, какой дамоклов меч навис над моей глупой головенкой.

Когда кончились уроки, Клавдия Васильевна примчалась к нам: «Наталя Семеновна, какое несчастье с Мишей!» «Какое несчастье, Клавдия?» - удивилась бабушка. «Так ведь помер!» - «Кто помер?» - «Ну как, Талья говорит, письмо получили!» Бабушка всплеснула руками. Дедушка молча взял меня за плечо, вывел из комнаты. Должна сказать, били меня в детстве очень часто, но так, как мне досталось на этот раз, раньше никогда не бывало... После этого урока я немножко одумалась,

▼ Мечты, мечты... 1932

да и вообще, со временем у меня стала проходить склонность к фантазированию...»

Спустя годы знакомый психолог объяснил Бурмистровой эту детскую склонность что-то выдумывать нереализованными творческими фантазиями.

Случилась у Наташи и школьная влюбленность. Объектом интереса будущей красавицы-актрисы был мальчик из благополучной семьи Володи Ульянкин, игравший на рояле и носивший бархатную блузу. Увы, его сердце принадлежало другой девочке. Зато в Наташу влюбился здоровый детина, первый хулиган и драчун Борька Малеев. От его предложения дружить она пришла в ужас. «Роман не состоялся, - рассказывала Наташа, смеясь. - Однако при любой возможности Борька поколачивал меня».

ДЖУЛЬЕТТА ИЗ БУГУРУСЛАНА

По окончании десятого класса девушка продала то немного, что у нее осталось, и купила билет до Москвы, чтобы, наконец, приблизиться к мечте своей жизни – стать актрисой. Наташе тогда исполнилось 16 лет. И первым делом она поехала на актерскую биржу, находившуюся в знаменитом саду «Аквариум». Там провела двое суток, пытаясь

▲ Юная Наташа

устроиться на работу. Но в итоге, бледная, измученная, упала в голодный обморок.

Раздвинув столпившихся вокруг нее людей, к девушке наклонилась величественная рыжеволосая женщина – это была Лина Семеновна Самборская, известная актриса и антрепренер. Она и пригласила молодую актрису в Томский драматический театр. Наташу поселили в крохотную комнатку общежития вместе с двумя девушками, зарплата была мизерной. По остроумному выражению Наташи, на нее можно было только дышать, но не жить. Но она жила. Поначалу бегала в массовке, выносила подносы, а потом произошло событие, круто изменившее жизнь девушки. Художественный руководитель театра Лина Самборская поставила для себя «Анну Каренину», а Наташе Бурмистровой поручила роль Сережи. Успех превзошел все ожидания, и постепенно ей стали доверять небольшие роли – Наташа стала входить в репертуар. В конце сезона ее отправили по путевке на курорт Лебяжье, где юная актриса немного отдохнула и буквально расцвела, превратившись из гадкого утенка в прекрасного лебеда.

Наталья Бурмистрова вспоминала: «Как-то меня и такого же молодого актера Леню Лукьянова вызывают в кабинет директора. Там сидят Самборская и очень талантливый режиссер Алексей Глаголин, имя которого позднее громко прозвучало в искусстве. Нам торжественно объявляют, что сезон окроется спектаклем «Ромео и Джульетта» в постановке Глаголина, и нам с Леней поручаются главные роли. Мы выходим из кабинета огушенные и растерянные. И вот начинаются репетиции. В спектакле были заняты лучшие силы театра, сделали замечательные декорации, костюмы, звучала чудесная музыка и... успех, успех, успех! О постановке писали все газеты и журналы. Но я ни одной минуты не думала, что мы с Леней были причиной этого успеха – ни опыта, ни профессионализма, ни общей культуры у нас не было. За нас были только обаяние молодости и мастерство талантливого режиссера».

Тем не менее после премьеры Наталью Бурмистрову (и ее партнера!) перевели в актерский состав, выделили крохотную комнатку в общежитии и прибавили зарплату.

Позднее Глаголин предложил Наташе поехать на работу в Передвижной театр Амуро-Якутской магистрали по обслуживанию золото-промышленных приисков. Поначалу она отказалась – испугалась: только-только почувствовала какую-то почву под ногами, ведь у начинающей актрисы уже было жилье, любящий коллектив, роли, пусть маленькая,

но твердая зарплата. И вдруг – все бросить и начать сначала?.. Но Алексей Глаголин ее все-таки уговорил: «Ты молодая, тебе нужно посмотреть мир, ты будешь играть хорошие роли!» И к тому же привел неоспоримый аргумент: большая зарплата, что имело в то время немало-важное значение. Причем половина этой суммы выдавалась боннами с правом пользоваться золотоскупками, которые во множестве открылись на Дальнем Востоке. А Наташа так наголодалась за свою жизнь, ей так хотелось немного отдохнуть от постоянной нужды! И она приняла предложение Глаголина.

«Я ЕЩЕ НЕ УМЕЮ ВЫХОДИТЬ ЗАМУЖ!»

Стационаром стал город Большой Невер. В десяти километрах от него – поселок Сковородино и немножко поодаль – поселок Ерофей Павлович. Они были тем центром, где находились все управленческие организации приисков Амуро-Якутской магистрали.

«Что представлял собой Большой Невер? - вспоминала Н.Бурмистрова спустя годы. - Примерно сорок деревянных бараков и чуть больше двух- и одноэтажных домов. Одно двухэтажное здание

принадлежало театру. Там были небольшой зал, небольшая сцена и довольно примитивное оборудование. Наше общежитие помещалось в другом здании, на втором этаже, под ним располагались магазинчики. Были своя маленькая электростанция, поликлиника с больничкой на несколько коек и даже своя милиция. Небольшая столовая до шести часов вечера обслуживала население, а к восьми помещение убрали, стелили скатерти, зажигали разноцветные лампочки; на маленький помост поднимался баянист, официантки надевали кокетливые наколки. И все это обрело название «Ресторан «Пурга», где собиралась вся местная интеллигенция. Было уютно. Мы слушали музыку, танцевали – словом, отдыхали от трудов праведных. К слову сказать, угощение было по тем временам весьма приличное – рыба, крабы... Но мы скушали по жареной картошечке, овощам и фруктам. Кстати, вся страна в те годы нуждалась в этом еще больше!..

Городок в основном населяли инженеры, технари и прочий рабочий люд. Мы готовили для них постановки на стационаре, а потом разъезжали со спектаклями по самым далеким и заснеженным поселкам. Иногда на оленях, иногда на собачьих упряжках, подобно героям Джека Лондона. Условия работы были очень тяжелыми, но все окупалось благодарностью и радостью людей, к которым мы приезжали».

На одной из встреч Нового года в «Пурге» Глаголин познакомил На-

талья Бурмистрову с главным инженером приисков Дмитрием Константиновичем Ушаковым. Он был родственником по отцовской линии знаменитого адмирала Федора Ушакова. Воспитывался и получил образование за границей, знал несколько иностранных языков. По воспоминаниям актрисы, это был человек атлетического сложения, с приятным волевым лицом и носил непривычную для того времени маленькую квадратную бородку. Одевался в оленью куртку и такие же торбоза, то есть, сапоги. Курил трубку с необычайно ароматным табаком, который пах медом. Ушакову было лет 40. Он был одинок – несколько лет назад во время крушения поезда погибла его жена, и многие женщины теперь вздыхали по нему.

«Не знаю, чем я привлекла внимание Дмитрия Константиновича. Но в свободное время Ушаков приходил в театр и привозил мне какие-то редкие духи и конфеты. Иногда мы коротали вечера в «Пурге». Он много повидал и был невероятно интересным рассказчиком, человеком необыкновенно образованным и эрудированным. В один прекрасный день он сделал мне предложение. Я растерялась и попросила дать мне возможность подумать. Вернувшись в общежитие, кинулась за советом к своей приятельнице Наталье Николаевне Станкевич – она была старше, опытнее и умнее меня. Она спросила: «Ты его любишь?» Я ответила: «Не знаю... Бесконечно уважаю его, восхищаюсь им, даже немножко робею перед ним – он по-

давляет своей неординарностью. Но мое будущее неразрывно связано с театром! Наш контракт кончается через год, и театр уедет. А я? Что буду делать я?» Приятельница сказала мне: «Ну вот, ты все сама и решила! Скажи ему все это деликатно, постарайся не обидеть человека».

Я не спала всю ночь. Вечером следующего дня Дмитрий Константинович ждал меня в «Пурге». Мы оба были напряжены, разговор не клеился, говорили о разных пустяках. Наконец он спросил: «Каково же ваше решение, Наточка?» Не помня себя от волнения, я глупо ответила: «Мне еще рано. Я еще не умею выходить замуж!» Ушаков усмехнулся и через паузу серьезно сказал: «Ну, это дело поправимое!»

«И потом, - продолжила я, - на будущий год я мечтаю поступить в театральное училище и стать актрисой!» Мы надолго замолчали. Дмитрий Константинович наполнил бокалы и сказал: «За ваше театральное будущее!» Потом посмотрел на часы: «Время позднее — пора по домам!» Мы вышли из ресторана. Было ужасно холодно. По ногам хлестала поземка. На душе было отвратительно. Я чувствовала, что глубоко оскорбила этого человека. У подъезда дома он пожал мне руку и молча ушел. Больше мы с ним не общались».

А через несколько месяцев Ушаков женился на артистке передвижного театра Тамаре Цветовой — привлекательной тридцатилетней женщине, москвичке из профессорской семьи, с хорошим образованием.

По всем параметрам она, как считала Н.Бурмистрова, больше подходила Ушакову. Через некоторое время Тамара стала появляться в театре в шубе из чернобурки, на пальцах и в ушах поблескивали камешки. Актрисы говорили Наташе: «Вот что ты потеряла, дурочка!» Но Бурмистрова только смеялась, и на душе у нее было легко и спокойно.

А время летело. Страну сотрясали репрессии. На стене дома управления приисками висел красочный плакат с изображением человека в военной форме. На нем были огромные рукавицы, сплошь покрытые «ежовыми» иголками. В эти-то «ежовые рукавицы» и попал вскоре Дмитрий Ушаков. Его объявили врагом народа и расстреляли. Очевидно, сыграло роль его происхождение. Тамару Цветову арестовали как жену врага народа, и через некоторое время до театра дошли слухи, что она повесилась в камере хабаровской тюрьмы.

«И тогда я впервые задумалась над народной поговоркой: кому что на роду написано, то с ним и будет. Я прожила долгую и отнюдь не гладкую жизнь, в течение которой неоднократно убеждалась в справедливости этой поговорки. У каждого человека — своя судьба, на протяжении всей жизни она неотступно следует за ним, как тень, неотвратимая и непредсказуемая», - пишет Н.Бурмистрова в своих воспоминаниях.

АКТЕРСКАЯ ШКОЛА

После Дальнего Востока неотвратимая и непредсказуемая судьба привела актрису в Москву. Это была уже не та бедная, кое-как одетая, полуголодная девочка из провинции, а роскошная молодая женщина, наряженная в прекрасный костюм, с белым песком на плечах, в лаковых туфлях, в моднейшей шляпе. И, главное, уверенная в себе и своим завтрашнем дне. В столице на Бурмистрову буквально набросились администраторы и директора, и у актрисы была возможность выбирать. Она выбрала Петропавловск в Казахстане, но уже через год стала актрисой Московского областного театра, базировавшегося в Орехово-Зуево. Театром руководил маститый режиссер Арнольд Маркович Самарин-Волжский. Больше всего Наталью Бурмистрову привлекала возможность жить в Москве, где для артистов снимали частные комнаты, и смотреть постановки с участием столичных звезд.

«Каждый свободный вечер я ходила в театры, смотрела потрясающие спектакли, видела великих актеров того времени. МХАТ, Малый, театр Вахтангова, имени Маяковского, театр Завадского, ЦДСА и, наконец, московская оперетта... Все, о чем я грезила, стало мне доступно!

▲ «На дне» - Наталья. Казахстан, 1937

Встречи в ЦДРИ, концерты, капустники, диспуты – я старалась ничего не пропускать. Большая дружба связывала меня с Игорем Владимировичем Нежным. Он был тогда заместителем директора МХАТ, затем долгие годы – директором театра Образцова, человеком, необычайно популярным в актерской среде. Благодаря знакомству с ним для меня открывались двери многих театров. Я имела возможность посещать даже генеральные прогоны. Он ввел меня в круг своих интереснейших знакомых, прежде мне недоступных», - вспоминала актриса.

У Натальи Бурмистровой появилось много новых друзей в актерской среде. Среди них – артист МХАТ Василий Иосифович Топорков, горячий последователь системы Станиславского, Михаил Иванович Царев, Андрей Алексеевич Попов, познакомивший Наташу с тогдашней звездой ЦДСА Любовью Ивановной Добржанской.

В этот период Бурмистрова многое постигла в актерской профессии...

И вот однажды на спектакль Московского областного театра «Машенька» в клуб Дзержинского пришел драматург Александр Афиногенов. После спектакля он заглянул к Бурмистовой за кулисы и выразил актрисе свое восхищение: «Ты же моя Машенька! Ведь я именно такую писал. Я познакомлю тебя с Завадским. Вера Марецкая, сняв все сливки с прессы, больше не хочет играть Машеньку, и Юрий Александрович наверняка тобой заинтересуется». Так и случилось – Наталья Бурмистрова понравилась мэтру. Договорились, поскольку дело шло к гастролям, встретиться в новом сезоне – Завадский обещал взять Наташу в труппу. Но жизнь распорядилась иначе: началась Великая Отечественная война.

ВОЙНА... ВОЙНА

Первые дни войны застали врагсплох народ огромной страны. Вместе с остальными через это страшное испытание прошла и Наталья Михайловна Бурмистрова. По дороге на гастроли в Гродно актеры Московского областного театра попали под бомбежку.

«Вместе с тысячами беженцев мы уходили из пылающего города. Нас обстреливали с брющего полета, мы прятались в хлебном поле. После налета чудом уцелевшие, со

сбитыми в кровь ногами, грязные, нечесанные, двигались дальше по направлению к Смоленску. Из Смоленска нас отправили эшелоном в Москву. К горькому сожалению, мы потеряли некоторых товарищей. Приехали в Москву. Театр, естественно, был расформирован. Мы остались без работы. Наше жилье больше никто не оплачивал. А в ноябре на Волоколамском шоссе появились немцы. По Москве мчались грузовики со столами, стульями, кроватями, тележки, груженные домашним скарбом. Люди бежали в тыл...

Я с маленькой сумочкой примчалась на вокзал, где царил настоящее столпотворение. Люди осаждали поезда, сидели на крышах, буфетах. Проникнуть в поезд было невозможно. Потеряв всякую надежду, я села на перроне и заплакала. Вдруг слышу: «Сестренка, давай сюда!» В десятидневный отпуск после ранения ехали какие-то морячки. Из окна ко мне потянулись руки, и меня втащили на среднюю полку. К вечеру отправились, а на станции Петушки наш поезд разбомбили. Люди с боем заняли маленький вокзал. Кто-то пристроился прямо на перроне. Через несколько часов все заборы в округе были сломаны и превращены в топливо для костров.

Два дня спустя ребята-морячки сказали мне: «Мы возвращаемся в ополчение, а ты как-нибудь пробивайся в тыл».

... Долго Наташа ходила по перрону растерянная, в шубке, на которой не было ни одной пуговицы. Она

▲ С однополчанами. 1940-е гг.

была в полном отчаянии. К ней подошел начальник станции: «Девушка, вы тут пропадете! На рассвете около водокачки будет формироваться эшелон в Татарию. Я как-нибудь помогу вам втиснуться в него».

У водокачки происходило настоящее безумие. После нескольких безрезультатных попыток удалось таки протиснуться в один из вагонов. К утру у Наташи начался озноб, поднялась температура. А дальше она уже ничего не помнила. Очнулась в Казани, в сыпно-тифозном бараке. Вокруг рядами стояли койки. Наташа лежала одетая в мужское белье, и когда провела рукой по голове, то обнаружила, что обрита наголо. Это переполнило чашу ее терпения, и она горько заплакала.

Наташу выписали. Никаких вещей у нее не было. В том же муж-

ском белье, в ватных брюках и ватнике, в ушанке с искусственным мехом и в брезентовых ботинках девушка вышла в мир.

В больнице Бурмистровой посоветовали отправиться в эвакупункт, что она и сделала. Там ее зарегистрировали, выдали карточку на 400 гр. хлеба и 400 гр. сахара и ордер на «квартиру», то есть ванную комнату в одном из домов на Казанке. Хозяйка долго не пускала Наташу: «Кончится война, что я буду делать без ванны?» К счастью, пришел хозяин, ни слова не говоря, отстранил жену от дверей и ввел девушку в дом. Он положил на ванну несколько дощечек и какие-то мягкие тряпки, на раковину – фанерку, сверху поставил кастановую коптилку. «Ну вот, живи!» - сказал он.

На другой день Бурмистрова от-

▲ Перед войной. 1941

правились в драматический театр имени В.Качалова, но, вероятно, ее экзотический вид отпугнул директора Григория Давидовича Ардарова: он отказался взять Наташу в труппу. «Нет, деточка. У меня нет мест», - твердил он, а Бурмистрова все настаивала, пытаясь уговорить неуступчивого директора: «Я хорошая артистка. Возьмите, не пожалейте!» Но в ответ прозвучало окончательное: «У меня и своих хороших девать некуда».

«В отчаянии я сказала: «Придет время, когда вы будете просить меня работать у вас, а я не пойду!» Мои слова оказались пророческими. Много лет спустя мы с мужем отдыхали в Кисловодске и пошли на спектакль гастролирующего там Казанского театра. Поскольку муж мой – бывший актер этого театра, мы по окончании представления отправились за кулисы. Слухом земля полнится, и Ардаров начал уговари-

вать нас работать у него. Я напомнила ему мою казанскую эпопею и отказалась. Он сделал вид, что этот случай не имеет к нему никакого отношения», - рассказывала актриса.

Но вернемся к Казани. В том же эвакопункте Наташе предложили работу телефонистки пожарного депо: сутки трудиться, двое отдыхать. Выбирать было не из чего, и она согласилась.

После промозглого депо Наташа сидела у железной буржуйки и пила с хозяевами кипяток с тоненькими ломтиками хлеба. Это были лучшие часы ее казанской жизни.

И – о радость! В депо принесли несколько билетов на спектакль театра имени Качалова. Кроме Бурмистровой, все отказались, а она считала часы до вечера.

«И вот я в театре... Как все знакомо! Фойе, актерские портреты, звуки настраиваемых инструментов. Как бьется, как щемит сердце! Я вошла в зал... Шел спектакль по пьесе Гладкова «Давным-давно». Мой будущий муж Игорь Злобин играл Пельмова. И он не знал, что в зале сидит женщина, которая в будущем станет его женой и проживет с ним 50 лет! Не знала этого и я. И вот заиграла музыка. Открылся занавес, а я... заплакала. Громко и безудержно. Мне пришлось выскочить в темное фойе. Я стояла у окна и тряслась от рыданий. Кто-то спросил: «Вы почему плачете?» Я увидела худощавого высокого юношу. Как потом выяснилось, это был актер театра Саша Дайчман. Вся боль, страдания последних лет моей жизни вырва-

лись перед этим незнакомым мне человеком. В антракте он вынес мне из буфета 400 гр. коммерческого белого хлеба и взял мой адрес, поинтересовавшись: «А вы бы поехали с фронтовым театром? Здесь их много организуется». «Да, да, да! - завопила я. - Я погибну в этом депо!»

После спектакля новый знакомый проводил девушку домой, а через несколько дней, вернувшись с работы, она получила ожидавшуюся ее записку – от Саши. «Скорее идите в клуб железнодорожников. Там организуется фронтовой театр. Руководитель – Тинский». Бурмистрова помчалась туда. Ее встретил огромный краснолицый человек с невероятно голубыми детскими глазами и сказал: «Ах, матушка моя, да у нас уже все штаты заполнены!» Но, увидев Наташино опрокинутое лицо, пожалел ее: «А впрочем, наша героиня у нас под вопросом. Ее муж – крупный хирург. Сейчас решается его дело. Если он останется в Казани, она с нами не поедет. Но если его отправят на фронт, жена поедет с нами... Но, на всякий случай, не можете ли вы показаться нам хоть в чем-нибудь? Вот, например, мы готовим «Таню» Арбузова. Вы играли когда-нибудь Таню?» Бурмистрова, не задумываясь, сказала: «Да, только я забыла. Мне надо вспомнить. Дайте мне пьесу на одну ночь».

Всю ночь горела ее копилка. Наташа готовила самую сильную сцену пьесы – сцену смерти ребенка. На следующий день в два часа она пришла в железнодорожный клуб. Дождалась конца репетиции. Тин-

ский сказал: «Пожалуйста на сцену!» Актрисе дали партнеров. Свободная часть труппы уселась в зале, и Наташа начала свою борьбу за право вернуться в театр.

«Я играла как в бреду, все мои душевные силы были возбуждены. В мозгу билась одна мысль: «Я должна им понравиться! Я должна их убедить!» И я их убедила. Когда я закончила, на сцену бросились актеры с зареванными лицами, целовали меня, тискали. По краснощекому лицу Тинского тоже текли слезы: «Возьму я тебя! Проведу хоть костюмершей, хоть рабочим сцены, но возьму! Ах ты моя маленькая актрисуля!» Наверное, я играла хорошо, так, как никогда в жизни. А потом мне повезло: героиня с мужем осталась в Казани, и я на законном основании стала артисткой театра дорпрофсожа».

Что представлял собой этот театр? Казанские железнодорожники на свои средства организовали санитарный поезд, прицепили к нему агитвагон, в котором находилась

▼ На встрече с ветеранами

▲ В подшефной части

группа актеров. В репертуаре были две пьесы – «Со всяким может случиться» и «Таня». И две обширные концертные программы.

В обоих спектаклях Наталья Бурмирова играла главные роли. Кроме того, пела на концертах – «Землянку», «Темную ночь» и другие в таком же роде.

«Была в нашей бригаде Женья Чередниченко, колоратурное сопрано, но ее алябьевский «Соловей» и прочее колоратурное мастерство не производили на бойцов такого впечатления, как мои немудреные песенки. Хотите – верьте, хотите – нет. Вся наша бригада окончила краткосрочные медицинские курсы. Нас обмундировали – местное ателье военторга подогнало все под нашу статью, и из нас получились довольно-таки приличные солдатики. А Вася Тинский выглядел как генерал... И вот наш поезд отправился на фронт. Мы подбирали раненых, доставляли их в полевые госпитали, а оттуда на своем оборудованном поезде отвозили в Арзамас-2, где базировалась

группа стационарных госпиталей. Приводили в порядок поезд и возвращались на фронт. И так в течение трех лет. Мы помогали медперсоналу, со временем научились делать перевязки, уколы, а в более «спокойное» время давали спектакли и концерты и прямо на фронте, и в полевых точках. В тот период я очень увлеклась медициной, и главный хирург нашего поезда Илларион Петровский говорил мне: «Останешься жива, брось ты эти траляляшки, поступай в медицинский. У тебя есть жилка. Бойцы тебя любят». И где-то в голове у меня зрела мысль о перемене профессии.

А война все шла. Страшная, холодная, голодная. Многие актеры решили «иметь свою копейку». Нам сказали, что кусок простого мыла в прифронтовой полосе стоит 5 рублей, а в Арзамасе – 10... И вот все мы на последние гроши набрали мыла, чтобы сделать оборот. В Арзамасе, закончив со своими делами, я кинулась на рынок. Целая шеренга баб держала на газетках куски мыла. Я подлетела к одной: «Почем?» - «Пять рублей!» - «Как?» Я быстро обежала всю шеренгу: цена была неизбежна – 5 рублей. Кинулась к одной из торговек: «Возьмите у меня 10 кусков по 5 рублей». А она: «Чего это я буду стоять и мерзнуть с твоим мылом по 5 рублей? Давай по четыре – возьму!» Я безропотно отдала свой мыльный запас... А в другой раз, когда я стояла на подножке поезда на какой-то станции, ко мне подкатил разбитой сержантик и спросил: «Василиса Пре-

красная, водки продажной нет?» Я похлопала по своей фляжке, где хранился запас наркомовских 100 гр.: «Есть!» - «Давай!» Я вылила водку в его фляжку. «Пробка у меня плохая!» - посетовал сержантик. «Я тебе свою подарю на память!» - ответила я. «Ну спасибо, красавица», - и двинулся от поезда. Я возмущенно вскинулась: «А деньги?» «Какие деньги? С бойца деньги?» Я испугалась: «Тише, начальник поезда услышит!» А ему только этого и надо было. Разобравшись в ситуации, он резко повысил голос: «Спекулянтка, с бойца дерешь!» Я в страхе захлопнула дверь тамбура и спряталась в вагон. На этом закончился мой военный бизнес... В конце 1944 года залетный самолет сбросил бомбы недалеко от Бологого. Пострадал наш поезд, а меня с сильной контузией отправили во все тот же арзамасский госпиталь. Пролежала я там несколько месяцев, и в начале 1945 года с военным аттестатом, одетая в военно-полевую форму, прибыла в Москву, в отдел кадров Комитета по делам искусств, к Казариновой. Меня встретили бабьими поцелуями и слезами».

ОПЯТЬ С НУЛЯ

На другой день вместе с директором Зиновьевым Наташа отправилась в Горький, в академический театр, носящий то же имя. Его гла-

▲ В театре имени М.Горького

вой был патриарх провинциальной режиссуры Николай Иванович Собольщикова-Самарин – человек, даже приблизительно не знавший никаких систем, но рожденный на свет для того, чтобы руководить театром. Наталья Бурмистрова во второй раз начинала с нуля и должна была снова обрести штатский облик, что по тем временам было не просто.

Но постепенно все наладилось. Наташа жила в прекрасном актерском общежитии, где ей выделили маленькую уютную комнату. Бурмистрова приступила к работе. В горьковском театре ей довелось встретиться с замечательными артистами:

«Когда я вспоминаю этот актерский состав, у меня буквально разбегаются глаза. Какие актеры! Какие

▲ «Молодая гвардия» - Валя Борц

личности! Николай Александрович Левкоев, непревзойденный характерный актер и режиссер, Миша Буйный, второго такого Белугина нет на свете! Николай Александрович Покровский, талант, красавец, интеллигент. Василий Иванович Разумов, великий артист на роли Островского. Пленительная Нина Бельская, героиня. Яркая, как порох, Августа (Гутя) Горянская. Меланхолик и поэт Соколовский. Et cetera, et cetera... Молодежь – один лучше другого. О режиссуре и говорить нечего. Сам Соболевский, Гера Моисеев, Николай Покровский и, наконец, сверкнувший, как зарница, Евгений Асеев. Он поставил спектакль «Молодая гвардия», который стал его нерукотворным памятником, а на третий день после

премьеры умер...

За первую мою роль я взялась с трепетом – это была Любовь Гордеевна в «Бедность не порок». Ее до меня играла Ниночка Бельская, но в последние годы она отяжелела и хотя была все еще пленительной женщиной, но совсем молоденькую девушку играть уже не хотела. Затем я сыграла Джинеvру в «Глубоких корнях» Гоу и Дюссо, Волину в «Далеко от Сталинграда» Сурова, Тоню в «Старых друзьях» Малюгина и, наконец, Любку в «Молодой гвардии»... Мой театральный рейтинг рос с каждой новой ролью. У меня уже появилась «своя» публика – студенчество, и маститые старожилы театра считали, что я пришла ко двору.

Хочу рассказать один случай, который запомнился навсегда. После праздника 1 Мая утром мы играли «Молодую гвардию». Сказать, что наш спектакль был незаурядным, из ряда вон выходящим явлением, – это значит ничего не сказать. Он был сыгран живой кровью и сердцем.

...На сцене – разрез двух камер, женской и мужской. Втаскивают окровавленную Ульяну Громову. Затем вталкивают меня – Любу Шевцову: «Принимайте артистку из Ворошиловграда». Ульяна, которую играла молодая актриса Гертруда Двойникова, приподнимается и читает: «Они прошли. Они пройдут...» Врываются эсэсовцы и начинают ее бить. Я вскакиваю и танцую чечетку. Меня бьют, я падаю. Снова вскакиваю и танцую. Кто-то запекает: «Мы – молодая гвардия»... Мужская ка-

мера подхватывает эту песню. К ним тоже врываются эсэсовцы, и начинается избиение. В зале сидели дети войны с израненными сердечками, многие из них осиротевшие. Вдруг какой-то мальчик закричал: «Бей фашистов!» и бросился на сцену. За ним кинулись еще человек 40. Они висели на руках эсэсовцев, кусали их, били ногами. На сцену выскочили учителя. Занавес закрыли. Валерьянкой отпаивали всех – актеров, детей, педагогов. Сцену не продолжали, начали со следующей. Даже сейчас, по прошествии десятиков лет, я не могу вспоминать об этом без слез. Вот когда я поняла, как велика сила искусства!»

«ЭТО БЫЛ ПОИСТИНЕ РАДОСТНЫЙ КРАЙ!»

Время шло, и Наталья Бурмистрова становилась репертуарной артисткой. Но неожиданно у нее возникли проблемы со здоровьем: во время обследования в легких обнаружили затемнение, силы актрисы таяли с каждым днем. Ничто в жизни не проходит бесследно, тем более война. Врачи сказали ей: «Нужно хорошее питание и теплый климат». Ни

того, ни другого в Горьком не было.

Актриса вспоминает: «Существует поговорка: когда Бог закрывает дверь, он оставляет форточку. Ко мне пришла наша балетмейстер Женя Эджубова, уроженка Тбилиси. Ее родители жили в доме на улице Лермонтова. Женя сказала мне: «Я еду навестить родных, дай мне несколько своих фотографий. В Тбилиси живет моя подруга, Влада Бушинская. Мы вместе учились в студии и работали в театре. Муж Жени – художественный руководитель театра им. А.С. Грибоедова Александр Александрович Такаишвили. Я расскажу о тебе, может, он тобой заинтересуется». Ни минуты не надеясь на успех, я дала ей пачку фотографий, а через 10-12 дней получила предложение работать в Тбилиси. Провожали меня всем театром».

В 1948 году Наташа приехала в

▼ «Великая сила» - Любаша. 1948

Грузию и оказалась в настоящем раю! Это был солнечный, звенящий песнями, смехом, край добродушных, гостеприимных, веселых людей, которые, как родную, приняли Наталью Михайловну в свои объятия.

«Александр Александрович Такаишвили, умнейший человек с юридическим образованием, когда-то подвизавшийся в кино (он играл Казбича в фильме «Бэла»), не имел специального режиссерского образования. Тем не менее он был прекрасным руководителем театра, человеком с большим вкусом и благородной душой. Оказывается, это не так уж мало для художественного руководителя, - говорила актриса. - Первую роль - девочки-балеринки Любаши - он предложил мне в пьесе «Великая сила» Ромашова. Роль не центральная, но очень приятная, требующая подлинной молодости, непосредственности и обаяния. Всего этого у меня были «полные карманы». На мое счастье, по театрам Закавказья проехался со специальным заданием известный в то время критик Залесский. Рецензируя спектакли, увиденные в Тбилиси, он написал обо мне много лестного в журнале «Театр», а закончил фразой: «Приглашение молодой весьма перспективной артистки Бурмистровой в труппу театра им. А.С. Грибоедова - большая удача руководства».

И все-таки не Любаша стала первой ролью Натальи Бурмистровой на тбилисской сцене. Самый-самый первый раз она вышла на подмостки театра Грибоедова в роли Джинер-

вы в пьесе Гоу и Дюссо «Глубокие корни», но это был срочный ввод в спектакль, работа над которым была уже завершена.

Первые выступления Бурмистровой, конечно, не стали сенсацией, но товарищи по сцене их отметили - преподнесли ей цветы с запиской режиссера. Дмитрий Александрович Алексидзе писал: «Пусть на земле грузинской цветет Ваш молодой талант».

ТАЛИСМАН ПО ИМЕНИ ТАНЯ

Итак, начало было положено.

«Что будем играть дальше?» - спросил Наташу Александр Такаишвили. Бурмистрова назвала пьесу, которая стала для нее талисманом: «Таня».

Она сыграла эту роль, а на следующий день, как говорят, проснулась знаменитой. Спектакль «Таня» шел на грибоедовской сцене в течение 5-6 лет с неизменным успехом. Рецензенты с восхищением отзывались о новой роли молодой актрисы.

«Успех «Тани» в театре имени Грибоедова - это прежде всего успех исполнительницы заглавной роли арт. Н.Бурмистровой. Дело не в том, что трепетная, лиричная Таня - Бурмистрова - хорошо, а иногда и безукоризненно проводит те или

▲ «Таня» - Таня. 1949

иные сцены – с первой же роли, сыгранной на сцене тбилисского театра, Н.Бурмистрова зарекомендовала себя как актриса незаурядного таланта. Главное, Н.Бурмистрова, не поддаваясь таниному обаянию, смогла предъявить ей статью из морального кодекса. Понимание актрисой Тани совпало с правильным режиссерским раскрытием авторского замысла», - отмечает К.Шахбазов на страницах газеты «Молодой сталинец» (1948 г.).

Восторженно пишет о работе Натальи Бурмистровой Шалва Буачидзе в своей рецензии «На новом творческом этапе» («Заря Востока», 1948 г.):

«Роль эта – сложный, но заман-

чивый материал для актера. Таких ролей в нашей драматургии не так уж много. Роль Тани исполняют артистка Н.Бурмистрова, работающая в театре второй сезон. Она вдумчиво подошла к решению своей трудной задачи. Чувствуя некоторую искусственность и двойственность образа, Бурмистрова не сразу раскрывает внутреннюю сущность Тани. На сцене появляется милая, привлекательная девушка, трогательная в своей любви к Герману, наивная в своих стремлениях, но все же от нее веет каким-то холодком. Сразу не видно, что в ней заложены необычайные духовные силы, что она не только «обычный человек», но прежде всего сильная, целеустремленная натура. Начиная со второго действия, Таня в изображении Бурмистровой духовно вырастает. Артистка с большой силой показывает жизненный путь женщины – от заблуждающейся девушки, жившей в безоблачном, придуманном ею мире, - к активному участнику строительства нового общества. В спектакле дается ряд эпизодов с участием Тани, и в каждом она предстает перед зрителем в новом облике. Большой выразительности достигает Н.Бурмистрова в последнем действии – в сценах смерти ребенка и встречи с Германом. Артистка верно и глубоко поняла внутренний мир своей героини, ее чистоту, благородство. Краски, которыми она пользуется, богаты и разнообразны. Успех спектакля, безусловно, во многом обязан ее артистическому мастерству».

Как отмечали критики, Таня в ис-

полнении Бурмистровой с каждой новой картиной духовно росла и из наивной и милой девушки, пройдя сквозь страдания, превратилась в сильного и целеустремленного человека. И вызывала уже не только сочувствие и жалость, но и уважение и гордость за нее.

Именно роль Тани в одночасье сделала Бурмистрову любимицей тбилисского зрителя. Какое-то время актрису даже не называли в Тбилиси ее настоящим именем, а говорили: идите на такой-то спектакль, там играет Таня... И еще один факт: в семейном архиве Н.Бурмистровой хранились письма от бойцов, в которых они называют ее «наша Таня». Вот отрывок из такого письма: «... Дорогая Таня! Вчера смотрели твой спектакль, а сегодня мы идем в бой сражаться за Таню, ради которой стоит жить, бороться и побеждать. Пожелай нам победы!»

«ГОЛУБЫЕ» ГЕРОИНИ

Молодую актрису буквально засыпали ролями! Наташа предстала в разных жанрах, играла с наслаждением, иногда по четыре-пять новых спектаклей за сезон. Это были роли, которым могла бы позавидовать любая актриса. Лиза из «Дворянского гнезда» Тургене-

ва, Нина Заречная из чеховской «Чайки», цыганка Маша из «Живого трупа» Л.Толстого, Нила Снижко из «Барабанщицы» Салынского, Нора из «Кукольного дома» Ибсена, Мария из пьесы «Девушка с кувшином» Лопе де Вега, Сондра Финчли из спектакля «Закон Ликурга» по мотивам романа «Американская трагедия» Теодора Драйзера, Даша из «Хождения по мукам» А.Толстого (спектакль назывался «Родина»), «бесприданница» Лариса Огудалова, Луиза из спектакля «Коварство и любовь» Шиллера... Именно с этим спектаклем – вернее, с Натальей Бурмистровой в роли Луизы, связаны первые театральные впечатления будущего гения режиссуры Роберта Стура. «Для меня Бурмистрова – одна из любимейших актрис. Моя юность совпала с ее дебютом (режиссер ошибся – Луиза не дебютная роль, а одна из первых работ актрисы – И.Б.) в театре имени Грибоедова. Я увидел спектакль «Коварство и любовь» Шиллера, который имел ошеломляющий успех. Для меня он явился определяющим: это был ро-

▼ «Коварство и любовь» - Луиза. 1952

мантический период для всех нас!»

Удивительно, что самой Наташе не нравилась эта ее работа. Она говорила, что никогда не любила «голубых» героинь, предпочитая характерные роли, и считала, что Луизу играла «ужасно»...

В связи с этим спектаклем Наталья Бурмистрова вспоминала смешной случай. «Играем «Коварство и любовь». Я – Луиза, незабвенный Ванечка Русинов – Фердинанд. Как известно, в конце спектакля мой возлюбленный дает мне яд. Я пью

▲ «Девушка с кувшином» - Мария. 1950

и, естественно, умираю. Фердинанд допивает яд из моего стакана и тоже умирает. Но перед смертью у него большой драматический монолог. Я лежу на лохматом коврике, а мой партнер в сапогах со шпорами... поднимает, конечно, невольно пыль вокруг меня, в то же время проклиная свою неверную возлюбленную. И вдруг я... чихаю. Ваня издает рык.

▲ «Бесприданница» - Лариса. 1953

Публика вежливо шепчется. Я чихаю во второй раз – зал откровенно смеется. Ваня стонет, но пытается продолжать монолог. Я прилагаю все усилия, чтобы предотвратить это стихийное бедствие, кручу носом, задерживаю дыхание и все-таки чихаю в третий раз. Веселый голосок из зала с иронией произносит: «Будьте здоровы, Наталья Михайловна!» Дальше играть нельзя. Зал заливается хохотом. Ваня прерывает свой монолог и обреченно ложится умирать рядом со мной. Когда закрылся занавес, публика аплодировала едва ли не больше обычного, выражая благодарность за дополнительный спектакль. А Ваня выхватил шпагу из ножен, с остервенением швырнул ее на пол, крикнув мне: «Обчихала весь спектакль!» При-

мерно неделю после случившегося Русинов со мной не разговаривал».

«ВКУСНЫЙ» ТАЛАНТ

Плодотворным было сотворчество актрисы с Ефимом Александрович Бриллем, которого Наталья Бурмистрова называла чудо-режиссером.

«Он должен был подготовить нас к Декаде грузинского искусства в

▼ «Шестой этаж» - Жермен. 1957

Москве, которая прошла в марте-апреле 1958 года. Бриллер поставил в нашем театре несколько незабываемых спектаклей, которые вызвали положительный резонанс в Москве. «Расточитель» Лескова – один из них. Я играла в этом спектакле необычную для себя бытовую роль Марины Гусяровой. Как осторожно, незаметно подводил меня Ефим Александрович ко всему, что я делала на сцене! Я перестала думать – моя или не моя эта роль – и стала жить и действовать от лица Марины. И получился живой поэтический образ простой русской женщины, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». И все это сделал он, Ефим Александрович. Я имела шумные отклики на эту роль и очень любила ее за то, что она не была похожа на другие».

«Большую, настоящую, интересную» работу актрисы высоко оценили на Декаде: «Герои этого спектакля если и протестуют, то так, как делала это Катерина Островского – самым фактом своей жизни и своей смерти. Так гибнет самоотверженная и тихая Марина, предпочитающая смерть компромиссу, отказу от своей любви. Н.Бурмистрова играет эту роль, как большая актриса, как русская героиня в широком смысле» («Декада грузинского искусства и литературы в Москве». Март 1958 года. Сборник материалов).

Актриса продолжала доказывать, что ей подвластна любая роль. За образом русской народной героини Марины Гусяровой последовали другие – не менее яркие, но со-

▲ «Деревья умирают стоя» - Марта. 1958

вершенно иного плана. В спектакле по пьесе Альфреда Жери «Шестой этаж» (постановка Тенгиза Кандинашвили) актриса выступила в роли очаровательной француженки Жермен. Об этом спектакле очень тепло, если не сказать, восторженно, написала легендарная грузинская актриса Верико Анджапаридзе. «Я рада была увидеть замечательную артистку Н.Бурмистрову в трудной противоречивой роли Жермен. Чудесная Жермен, легко и ярко сыгранная Бурмистровой, большая творческая победа артистки».

В архиве театра хранится программка к спектаклю «Шестой этаж», на которой рукой режиссера-постановщика Тенгиза Кандинашвили написаны нежные слова, адресованные Наталье Бурмистровой: «Гора с горой не сходится» - хранится у меня твоё фото... Хорошая, талантливая Наташенька, не умею высказать радости и того огромно-

го чувства благодарности судьбе за то, что мы «сошлись» в творчестве. Спасибо тебе за чудесную Жермен, за радость и удовольствие работы с тобой. Твоё сердце и душа – лишнее подтверждение того, что только хороший человек может быть истинным художником, как говорила великая Ермолова. От всей глубоко любящей тебя души желаю много сил, бодрости и творческих успехов, залог которых – твой вкусный (не нахожу другого слова) талант. На всю жизнь тебя полюбивший твой Тенгиз Кандинашвили. 6.07.1957 г.»

С благодарным чувством вспоминала Наталья Бурмистрова талантливую режиссера с трудной судьбой Леонида Варпаховского, в двух спектаклях которого она приняла участие:

«Внезапно в театре возникла маленькая белобрысая фигурка в комбинезоне, держащая в руках некое подобие портфеля, по цвету и форме напоминающего огнетушитель. Это был замечательный режиссер Леонид Викторович Варпаховский – в прошлом «враг народа»: он вернулся к нам после десятилетней ссылки... Первой его работой были «Дни Турбиных» Булгакова. Играли в спектакле наши «тузы». Мы вышли после премьеры онемевшие – такая это была глыба, такое мастерство! Затем Варпаховский поставил водевиль «В сиреневом саду» Ц.Солодаря. Сам написал музыку, сам ставил, сам плясал с нами во время репетиций. А зрители на спектакле подпрыгивали на своих стульях. Сколько было радости, жизни,

▲ «Чайка» - Нина Заречная. 1953

солнца в его постановке!»

В очередной раз демонстрируя широту своего творческого диапазона, Бурмистрова порадовала зрителей замечательной работой в этом веселом спектакле Леонида Варпаховского. Автор публикации А.Дубровский отмечает, что актриса играет «с подлинным блеском, удачно найденными интонациями, жестами и тонкими переходами в этой двойной роли» («Советская Абхазия», 1955 г.).

А в «Чайке» Наташа создала сложнейший образ Нины Заречной.

«Это была моя дорога к храму. Мы выстраивали роль по кирпичику. То радовались, то чуть ли не плакали. Варпаховский был со мной рядом каждую секунду как поводырь...» - пишет в своих воспоминаниях Н.Бурмистрова.

Критика называла «Чайку» Варпаховского «исключительно вдумчивой и тонкой работой», оставившей

неизгладимое впечатление «той жизненностью и проникновенностью в душевный мир персонажей, которая характеризовала игру актеров». Одну из ролей – Тригорина – сыграл Павел Луспекаев.

Наталья Бурмистрова вспоминала: «Тригорин, знаменитый писатель, элегантный, светский человек, и Паша казались несовместимыми. Но постепенно, через препоны и творческие муки, Луспекаев одолел роль Тригорина. Играл ее очень интересно».

Не менее интересной была работа самой Наталии Бурмистровой. Увидев актрису в роли Нины Заречной, ее пригласили в Художественный театр. Специально в Тбилиси приехали знаменитые актеры МХАТ Александр Станицын, Софья Пилявская, Василий Топорков, смотрели спектакли и настойчиво звали к себе. Но Наталия Михайловна не смогла принять это заманчивое предложение: только что вышла замуж за коллегу, замечательного актера, в будущем народного артиста Грузинской ССР Игоря Злобина, с которым прожила долгую счастливую жизнь.

«Вопрос стоял так: или расстаться с мужем, или перечеркнуть его творческую жизнь, потому что им была нужна только я, - рассказывала Наташа. - И кроме того, перед моими глазами были грустные примеры. Анна Андреева (Бабахан), артистка Казанского театра, очаровавшая всю Москву своей Анной Карениной и после этого «молчавшая» 15 лет. Мой фронтовой товарищ Лев Иванов, бывший актер Камерного теа-

тра, приглашенный во МХАТ, двадцать с лишним лет получавший роли вместе с ведущими артистами театра, безропотно сидевший на репетициях, но игравший на сцене только в дни болезней или капризов звезд. А я хотела играть, много играть! Наверное, по той же причине, когда Георгий Александрович Товстоногов, увидев меня в «Тане» (он тогда еще работал в театре Ленинского комсомола), пригласил сыграть Катерину в «Грозе», я задумалась. Но тогда существовала еще личная причина. Мы были едва знакомы, а он вдруг сделал мне предложение выйти за него замуж. Это было настолько неожиданно и нелепо! Тем более что я уже была замужем. И я отказалась от Ленинграда. Так дважды в

своей жизни я выпустила из рук синюю птицу – возможность перейти в столичные театры. А может, все эти годы она была со мной, моя синяя птица? Разве я не была счастлива? Разве я не была любима мужем, друзьями, теплым и взыскательным тбилисским зрителем? Разве моя жизнь не была полезна и предельно заполнена? Разве не в этом счастье человека?»

Эти вопросы, которыми задавалась актриса, конечно, носят характер риторический. И вновь приходят на память слова самой Бурмистровой: «Что на роду написано, то и будет»...

А на роду были написаны новые интересные роли на грибоедовской сцене.

Наталья Михайловна любила свою работу в спектакле Анатолия Випмана «Деревья умирают стоя» А.Касоны. Актриса создала образ молодой аргентинки Марты – психологически трудную, драматическую роль она играла легко, непринужденно. Однажды ее партнершей стала Верико Анджапаридзе, выступившая в этом спектакле (в качестве гастролерши) в роли Бабушки...

«Я с радостью вспоминаю мои отношения с Верико Анджапаридзе. Большая прославленная актриса относилась ко мне, молодой актрисе, с огромным вниманием, уважением, смотрела мои спектакли, писала рецензии на них.

Однажды мы отдыхали с ней вместе в Кобулету – я с мужем, она с внуком. Часами Верико не отпускала меня от себя, с интере-

▼ «Дворянское гнездо» - Лиза. 1951

Лиза - «Дворянское гнездо»

▲ «Иркутская история» - Валя. 1960

сом расспрашивала о моей жизни, рассказывала о себе. Была у нас с ней занятая история. Как-то мы встретились в Доме работников искусств и Верико поинтересовалась: «Что готовишь новенького?». Я сказала: «Люси Купер в «Уступи место завтрашнему дню» В.Дельмара. Она всплеснула руками: «Ты с ума сошла! Зачем так рано начинаешь играть старух?». Я ответила: «Дело не в возрасте. Меня очень волнует тема беззащитной старости». Верико пожала плечами и добавила: «Я тоже собираюсь играть эту роль». И вот на премьере ко мне приходит администратор и сообщает: «Вас смотрит Верико!» Я задрожала... После спектакля Верико пришла ко мне задумчивая и озабоченная. «Слушай, - сказала она. - Я совершенно иначе мыслила этот образ, но ты меня так

убедила, что мне нужно время, чтобы переосмыслить свое видение». И действительно, репетиции этого спектакля в марджановском были отложены на долгое время».

Немного забегая вперед, отмечу, что роль Люси Купер, сыгранная в спектакле «Уступи место завтрашнему дню», стала этапной в творческой биографии Натальи Михайловны. «В образе матери народная артистка Грузии Н.Бурмистрова воплотила высокие черты справедливости, душевности, человеколюбия. Достигая полного контакта со зрителями, она с большой теплотой и убедительностью передает внутренний мир своей героини. Хочется отметить, что зритель, хорошо знакомый с интересной и значительной творческой биографией Н.Бурмистровой, впервые встретился в ее исполнении с образом подобного плана. Здесь она продемонстрировала новую грань своего актерского мастерства, что в немалой степени способствовало успеху спектакля в целом» (Н.Швангирадзе. «Уступи место завтрашнему дню». «Вечерний Тбилиси», 8 декабря 1970 г.). По словам самой Н.Бурмистровой, спектакль получился на редкость удачным, тонким, глубоким, драматичным и вызвал живой отклик зрителей, которые, не стесняясь, плакали во время действия. В театр приходили десятки благодарственных писем от пожилых людей...

Однако до роли Люси Купер было еще целое десятилетие, а пока Наталья Бурмистрова воплощала на сцене образы молодых героинь.

В 1960 году состоялись две значимые премьеры – «Иркутская история» А.Арбузова и «Барабанщица» А.Салынского. Оба спектакля поставил Анатолий Випман, и Наталья Бурмистрова сыграла в них одни из своих лучших ролей раннего периода – Вальку и Нилу Снижко.

Режиссер Александр Гинзбург на страницах «Зари Востока» высоко оценил не только «большую оригинальную работу» (речь шла об «Иркутской истории») своего коллеги по творческому цеху, но и актерский вклад в нее. В частности, исполнительницы главной роли:

«Что сказать о заслуженной артистке Грузии Наталье Бурмистровой? Ее героиня вначале – простая девушка, живущая в свое удовольствие и не слишком задумывающаяся над жизнью. И вот постепенно, от картины к картине, она меняется, растет, становится подлинным человеком. Прекрасно проводит актриса трагическую сцену, когда Валя, узнав о гибели Сергея, бежит к реке: скупыми, но выразительными штрихами рисует она безмерную тяжесть горя, обрушившегося на нее» («Заря Востока», март 1960 г.).

Режиссер спектакля А.Випман был очень доволен работой актрисы, о чем свидетельствует его надпись на программке к спектаклю: «Молодец, Наташа! Думаю, это этапная роль в Вашей творческой биографии и большой, настоящий успех!!!»

ТАНЕЦ БАРАБАНЩИЦЫ

Спектакль «Барабанщица» стал настоящей легендой. Те, кому довелось видеть актрису в этой роли, на всю жизнь сохранили свои впечатления. «После «Барабанщицы» половина мужского населения города влюбилась в Наталью Михайловну, в числе влюбленных был и я. Она покорила всех своим талантом, внешними данными, пластикой», - вспоминал Котэ Махарадзе.

Публика буквально ломилась на «Барабанщицу». А пресса отмечала,

▼ «Барабанщица» - Нила Снижко. 1960

▲ Сцена из спектакля «Барабанщица»

что «исполнительница главной роли Н.Бурмистрова ярко рисует сложный, многогранный образ. Ее Нила дерзкая, находчивая, гордая и озорная. Она внутренне сосредоточена и при всей мягкости и простоте исполнения, присущих ее дарованию, передает нам ощущение настороженности, которое определяет поведение героини в ее трудном положении» (Р.Смелянская. «Мы боролись за вас!» «Заря Востока». 1960 г.).

«И сегодня театралы при упоминании «Бурмистрова», как отзыв на пароль, произносят – «Барабанщица». В купальнике, подчеркивающим идеальную фигуру, актриса танцевала на столе. На это надо было решиться! За порогом театра стояла суровая зима советского аскетизма, отвергающего даже намеки на эротизм. Удивительно, что сцену не запретили. Энергетика ее искрометного танца подчиняла себе и зрительный зал, и закулисы, и

фойе с билетершами, и администраторов. Сегодня в это даже трудно поверить, настолько все выглядит неправдоподобным сквозь призму времени», - вспоминала уже спустя годы журналист Нелли Узнадзе, принадлежавшая к ближнему кругу общения актрисы...

Ее дополняют воспоминания Инны Фридкиной: «Когда ее Нила Сnižко после отчаянного танца на столе перед немецким шпионом набрасывала на себя скатерть и, подняв кулак, решительно произносила «рот-фронт», становилось ясно, что актриса здесь зримо воплощает человека сильной воли, на долю которого выпало вершить большое дело» («Магнетическое поле доброты и гуманности создает на сцене актриса, жизнь которой отдана родному театру». «Заря Востока», 17 апреля 1988 г.).

ДРАМА, КОМЕДИЯ, ВОДЕВИЛЬ, ГЕРОИКА...

Актриса никогда не ограничивала себя в творческом поиске, стремилась к жанровому и тематическому многообразию, в каждой новой работе показывая многоцветье своей актерской палитры...

▲ «Старый дурак» - Тасья. 1961

«Исполнительский диапазон Н.М. Бурмистровой весьма широк – она играет драму и комедию, водевиль и сатиру, мелодраму и героину, - отмечает Васо Годзиашвили. - Разные характеры, разные судьбы, но, отнюдь не повторяясь, актриса всегда подчеркивает то общее, что роднит этих героинь: огромную силу духа, способность выстоять в борьбе с ударами судьбы, а если эта борьба уж слишком не равная, то скорее умереть, чем пойти на компромисс».

Высоко оценивал дар актрисы Котэ Махарадзе: «Наталья Бурмистрова разбила миф о том, что блестящие актеры могут быть только в столичных театрах».

Будучи актрисой разноплановой, характерной в лучшем понимании этого слова, Наталья Бурмистрова создала на сцене целый ряд блестящих комедийных и сатирических образов, таких, например, как избалованная и капризная Поэма в комедии В.Минко «Не называя фамилий».

На эту тему размышляла театровед Этери Гугушвили в публикации, посвященной 60-летию актрисы:

«Я вспоминаю одну из первых ее ролей на сцене грибоедовского театра – Надежду Романюк в пьесе А.Корнейчука «Калиновая роща». Сколько живого, непосредственного задора было в ее исполнении! Какая ясность и чистота человеческих чувств озаряли собой весь спектакль! А вслед за Надеждой – острая, сатирическая, лихая Поэма из пьесы В.Минко «Не называя фамилий» и вскоре снова «возвращение» в мир глубоких, драматических коллизий – создание нелегкой роли Ольги в пьесе Арбузова «Годы странствий». Затем снова острота и хлесткость сценического рисунка – Бурмистрова сыграла роль артистки Бородинной в веселом водевиле Ц.Солодаря «В сиреневом саду». Сыграла звонко, легко, а вскоре создала почти гротесковый образ Таски Грачевой в пьесе К.Финна «Старый дурак». Актриса не побоилась в этой роли быть смешной, некрасивой, угловатой» («Вечерний Тбилиси», 8 мая 1978 г.).

Обратимся к старой рецензии, опубликованной на страницах «Зари Востока»:

«Еще один объемный, сочный образ вошел в репертуар актрисы Н.Бурмистровой. Всю печальную биографию осиротевшей на войне, одинокой, выбитой из настоящей жизни Таси приносит Бурмистрова в этот спектакль. Здесь и говорок от калужской тетки, и мечты о красивой жизни, выношенные где-то в московской парикмахерской, и любовь к «идейному тунеядцу» Косте, которого она приняла за человека

смелого и независимого. И за всем этим не забыто главное – большое человеческое достоинство и чистота простой девушки. Играет Бурмистрова легко, эмоционально, с хорошим юмором. И сочувствуем мы ее героине без обидной, оскорбляющей жалости» (Р.Смелянская. «С думой о судьбе человека». «Заря Востока», 1961 г.)

О больших возможностях актрисы говорит и Р.Мchedлидзе в связи с премьерой спектакля «Каменное гнездо» Х.Вуолийоки: «Разносторонний талант Н.Бурмистровой проявился с новой силой в Илоне (постановка Мэри Ольшаницкой). Ее героиня – луч света в темном царстве. От Катерины А.Островского она отличается тем, что борется упрямо и настойчиво за свое место в жизни и добивается победы. Актрисой создан обаятельный образ, ей сразу же веришь и с волнением следишь за судьбой ее героини» («Заметки

▼ «Не называя фамилий» - Поэма. 1955

о «Каменном гнезде». «Заря Востока», 1959 г.)

В интервью поздних лет актриса говорила, что предпочитает героинь с сильным характером, наделенных возвышенной, до самоотречения любовью, а также роли, дающие возможность для перевоплощения, раскрытия новых граней в искусстве...

Наталья Михайловна изредка впускала в свою творческую «кухню» - рассказывала, из каких впечатлений и как создавались ее образы. Например, той же Поэмы в спектакле «Не называя фамилий»: «Автор пьесы Минко, приехавший к нам на премьеру, сказал, что из всех виденных им в других театрах Поэма я – лучшая, что такой очаровательной стервы он и представить себе не мог. Моей актерской задачей как раз и было совместить очарование и отрицательные качества этой девушки, то есть, скомпрометировать мою «очаровательную» героиню. И вот Поэма приезжает на стройку к очередному своему жениху. Несответствие вычурного костюма моей героини с рабочими спецовками, окружающими ее, уже насторожило зрителей. А дальше кто-то сообщает о несчастном случае и возникает необходимость во враче. «Максим, а я?» - вопрошает моя Поэма. Он радостно подтверждает: «Да, конечно, ты же врач!» Рабочие почтительно расступаются, давая мне дорогу. И тогда, проходя от самой авансцены в глубину сценического пространства, я, доктор Поэма, иду спасать человека. Как иду? Под зонтиком,

в нелепой шляпе, на высоченных каблуках, вихляющей походкой, снижая тем самым будто бы благородный поступок своей героини. И зрительный зал разражается хохотом и аплодисментами, понимая парадоксальность ситуации. Откуда я взяла эти приспособления? Я не выдумала их. Как-то я видела почти подобную ситуацию. И вдруг она возникла во мне...»

Критики подчеркивали, что Бурмистрова – актриса мыслящая. Она рационально, экономно, расчетливо отбирает то главное, что присуще создаваемому ею сценическому образу. И это не скрупулезное накопление деталей. Потому что актриса работает крупно, увлеченно. Для нее важно сказать главное, важно, какие мысли она несет зрителю, какие чувства в нем пробуждает.

ОТ БЛАНШ ДЮБУА ДО СОФЬИ КОВАЛЕВСКОЙ

С каждой новой ролью актриса совершенствовала свое мастерство. В 60-е годы Наталья Бурмистрова встретила с очень интересным материалом. Бланш Дюбуа в спектакле «Трамвай «Желание»

▲ «Трамвай «Желание» - Бланш. 1968

Т. Уильямса стала очередным триумфом Натальи Михайловны. Это роль, о которой мечтает каждая актриса. Именно Бланш Дюбуа, наряду с ролью Скарлетт О'Хара, принесла мировую славу английской звезде Вивьен Ли. Русской актрисе Наталье Бурмистровой, сыгравшей эту роль в 1967 году на театральной сцене, также сопутствовал большой успех.

«В спектакле С.Челидзе подлинным антиподом злу и жестокости является Бланш Дюбуа в исполнении народной артистки ГССР Н. Бурмистровой, - писала газета «Вечерний Ростов». - Ее героиня воплощает собой доброе начало, не способное защищаться... от доброты. Это не абсурд, нет! Бланш Дюбуа в каждом человеке видит сначала добрые стороны его души, его характера, и перед добротой, которой так мало в ее жизни было, она не может устоять. В финале спектакля Бланш становится очень похожей на душевнобольную. Уильямс, склонный всегда к полутонам, оставляет надежду для Бланш, надежду для нас – зрителей. Но ясно одно: последнее испытание оказалось для Бланш непосильным.

▲ На Декаде грузинского искусства и литературы в Москве. 1958

▲ «Ценою жизни» - Ковалевская. 1966

А ведь со злом-то она умеет сражаться! Это – проще для героини Бурмистровой. Она обезоруживает Стенли с его грубыми и нудными наскоками улыбкой, шуткой, изысканным кокетством, наконец. Но против доброго, безвольного Митча она бессильна: ей так хочется покоя. И добрый Митч (на этот раз – он) обернулся к ней другой стороной медали того общества, в котором она живет. Она – изгой в этом обществе: кто-то что-то знает о ее прошлом. И потому она опять терпит поражение – не от Митча. В той Бланш, какую играет с удивительным чувством такта и меры Н.Бурмистрова, ощущается недюжинный, талантливый человек. А как героиня Бурмистровой ощущает красоту!..» (Ю.Немиров. «Трамвай, сошедший с рельсов». «Вечерний Ростов», 9 июля 1968 г.).

Важной в творческой биографии Бурмистровой стала роль Софьи Ковалевской в спектакле «Ценою жизни» братьев Тур (постановка Нелли Эшба). Эта работа также получила высокую оценку критики. В частности, о ней написал московский журнал «Театральная жизнь» (№23, 1966). Приведем отрывок из рецензии С.Фих «Слушающая прибор»:

«Ликующая упоенность, с какой все, буквально все делает Софья Ковалевская – Бурмистрова, окрыленность ее мыслей, чувств, поступков – верный признак натуры недюжинной, высокоодаренной. Эта женщина представляет собой удивительный сплав кипящего в постоянном действии ума и трогательной эмоциональности, серьезности, внушающей уважение, и веселого, легкомысленного лукавства, покоряющей твердой воли и беспомощной женственности. Да, конечно же, это ею сделаны выдающиеся мировые открытия в области оптики и механики, теории дифференциальных уравнений и астрономии. Да, конечно же, она редкостная умница и большой ученый. И при всем том есть в ней что-то очень простое, женское – задушевность, мягкость, ласковость, желание и умение нравиться, при решительной неприязни к жеманству, позе, и светлая грусть об отнесенных математикой и проходящих где-то стороной земных радостях.

...Взяв со стола пепельницу-раковину и прижав ее к уху, Ковалевская-Бурмистрова вдруг насто-роженно замирает – она слышит

музыку морского прибоя. Взору ее словно открываются какие-то новые призрачно чудесные миры и в замысловатой вязи алгебраических формул видится путь к тому, чтобы далекое сделать близким, призрачное реальным, чтобы мерцающие в недостижимой вышине звезды стали достижимы человеку. Она – не просто ученый, она – художник, поэт...».

Этери Гугушвили в своей рецензии на спектакль «Ценою жизни» подчеркивает, что Софья Ковалевская – вершинная роль Н.Бурмистровой. «Пожалуй, ни в одной из сыгранных ролей не была Н.Бурмистрова такой собранной, думающей, внутренне наполненной, ни один воплощенный ею образ не был отмечен печатью такой цельности, благородства и гармонии» (Э.Гугушвили. «Спектакль о судьбе человеческой». «Заря Востока», 5 января 1967 г.).

БЛЕСТЯЩИЙ ДУЭТ

Особое место в творчестве Натальи Бурмистровой занимают роли, сыгранные в партнерстве с феерически талантливым актером Арчилом Гомиашвили, позже прославившимся киноролем Остапа Бендера. Полюбились зрителям героиня спектакля «Двое на качелях» У.Гибсона

▲ «Двое на качелях» - Гитель. 1962

▲ «Третье слово» - Маргарита. 1961

– Гитель Моска.

«Сенсацией стал спектакль «Двое на качелях». Какой блестящий дуэт создали Наталья Бурми-

▲ Сцена из спектакля
«Двое на качелях»

строва и Арчил Гомиашвили! Со сцены в зал лились потоки счастья и ... глубокой грусти. Любовь, потеря иллюзий... Умение любить на сцене — это талант. Наталья Бурмистрова обладала этим даром сполна. Любовь становилась главным, скрытым двигателем, управляющим сутью ее героинь. Она не повторялась в красках, осознавая любовь как величайшее испытание, как справедливое вознаграждение, как символ веры. И каждый раз доказывала, что Любовь сильнее всех превратностей судьбы», - пишет Нелли Уznaдзе («Русский клуб», март 2008 г.).

Наталья Бурмистрова любила играть этот спектакль, любила свою героиню Гитель Моска. «Мне нравится в этой пьесе все, начиная от названия. Ведь люди действительно то взлетают вверх, то падают вниз в поисках своей судьбы, как и моя героиня. Мне нравилась роль, мне нравился мой партнер и нечто магическое, что привлекало к этому спектаклю зрителя, с особым волнением следящего за происходящим на сцене».

Такой же талантливый любов-

ный дуэт создают актеры в спектакле «Орфей спускается в ад» Т.Уильямса (постановка Абрама Рубина), в котором Наталья Бурмистрова сыграла Лейди Торренс, а А.Гомиашвили — ее возлюбленного Вэла. Актриса, во второй раз встретившаяся с выдающимся американским драматургом, представляла свой образ в развитии. Сначала зрители видели застывшую, оцепеневшую в своей ненависти и отвращении женщину с порывистыми, нервными жестами, суровым, мрачным взглядом темных глаз. Но потом совершается чудо любви: постепенно смягчаются черты лица Лейди, теплее становится голос. Бурмистрова передавала страдания одинокой души, окруженной холодными, эгоистичными и злыми людьми, и то преображение, которое возвращает ее в мир надежд, счастья.

Бурмистрова и Гомиашвили еще раз встретились в спектакле «Третье слово» А.Касоны (постановка Серго Челидзе) и вновь разыграли историю большого чувства. Героиня Натальи Михайловны Маргарита расцветает «под живительными лучами большой, чистой любви», как писали критики.

Наташа дорожила своей работой в спектакле «Человек со звезды» К.Веттлингера в постановке Гиги Лордкипанидзе. Пьеса была довольно сложной для исполнения — ведь трем актерам, занятым в спектакле, пришлось сыграть... четырнадцать ролей. А это требовало от них искусства быстрого перевоплощения, универсальности. «Народная ар-

тистка ГССР Н.Бурмистрова и заслуженный артист ГССР А.Гомиашили продемонстрировали эти высокие актерские качества», - пишет Ю.Герия («Бегство на звезду». «Советская Абхазия», 26 июля 1964 года).

«В моей судьбе, не только творческой, но и личной, Арчил сыграл очень заметную роль. Он был моим постоянным партнером. Играть с ним было радостно и трудно. Нужно было быть всегда начеку, потому что все игралось как бы в первый раз. Сплошная импровизация!

Спектакль «Двое на качелях» особенно показательный в этом смысле. Мы играли вдвоем и были все время «на качелях». Пять лет шел этот спектакль в театре, и по приглашению через филармонию мы гастролировали с ним в 38 городах с неизменным успехом. Постоянные

репетиции, спектакли, поездки сделали нас очень близкими друзьями. Годы и расстояния разбросали нас в разные стороны, однако мы на всю жизнь сохранили друг к другу добрые чувства». Это вновь отрывок из воспоминаний актрисы.

Наталья Бурмистрова, в отличие от других популярных артистов, поддавшихся современной моде откровенничать о своей личной жизни на телевидении, в желтой прессе или на страницах автобиографических изданий, категорически отказывалась впускать кого-либо в свое «святое святых»...

ВОЛНЫ ДОБРОТЫ

▼ «Орфей спускается в ад» - Лейди. 1962

Шли годы. Менялся репертуар. В 1975 году Наталья Бурмистрова с большим успехом сыграла Эржебет в спектакле «Кошки-мышки» И.Эркена (постановка Юрия Шевчука), соединив в этом образе комическое и драматическое.

«В характере Эржебет много странного, даже эксцентричного, и актриса находит яркие, броские краски. Причем в любой, самой забавной ситуации Бурмистрова остается совершенно естественной, а это – драгоценный дар. Но все-таки стихия комического – не главное в роли Эржебет. В основе ее – глубокие человеческие переживания. Героиня Бурмистровой может быть

▲ «Кошки-мышки» - Эржебет. 1975

по-юношески мечтательной, восторженной и, вместе с тем, такой беззащитной. Она всю жизнь любила и сейчас любит друга своего покойного мужа, Виктора. И когда он неожиданно женился на другой, это для нее трагедия. Тогда она впервые ощутила свое одиночество, ненужность и сразу как-то обмякла, постарела, притихла... Роль Эржебет сыграла актрисой не только с юмором, но и с глубоким драматизмом. Здесь в полной мере проявилось обаяние артистического таланта Бурмистровой», - это отрывок из рецензии Веры Церетели («Я адвокат своих героинь». «Вечерний Тбилиси», 3 апреля 1976 года).

В 1982 году Наталья Михайловна вышла на сцену в дуэте с народным артистом Грузии Михаилом Иоффе — в спектакле «Старомодная коме-

дия» А.Арбузова (постановка Гурма Черкезишвили), в котором с упоминанием играла Лидию Васильевну, «постепенно оттаивающую и расцветающую от нежданно-негаданно обретенной «поздней» любви». Зрители помнят, с какой легкостью и изяществом актриса танцевала, как непринужденно пела.

Пора творческой и человеческой зрелости подарила Наташе встречу с такими интересными образами, как Памела («Дорогая Памела» Дж.Патрика) и Роза («Улица Шолом-Алейхема, дом 40» А.Ставицкого). Оба спектакля поставили Гизо Жордания и Лейла Джаши.

Сохранился отклик на спектакль «Дорогая Памела», написанный во время гастролей театра Грибоедова в Ставрополе. Рецензент не жалеет эпитетов и красок, чтобы описать свое впечатление от игры Натальи Бурмистровой.

«В центре разворачивающихся событий — Памела, образ которой

▼ «Чрезвычайный посол» - Кольцова. 1969

вдохновенно строит народная артистка СССР Н.Бурмистрова. Какую гамму человеческих черт раскрывает она в своей героине! Житейская мудрость и по-детски искренняя доверчивость, грустный, с укоризной взгляд на мир («самая тяжелая работа – любить людей») и милое женское лукавство. Вот Памела – Бурмистрова принимает игру своих квартирантов в джентльменов-предпринимателей, вот пристально, испытующе вглядывается в их души: смогут ли они вновь стать людьми? И в каждом эпизоде излучаемая ею доброта действенна. Актриса словно заполняет все пространство сцены теплыми волнами участия, сопереживания, душевной распахнутости – столь сильными, что не можешь не верить в чудесные превращения героев спектакля» (О.Даусон. «Как же жить дальше?» «Ставропольская правда», 17 августа 1983 г.).

Понравилась актриса и во время бакинских гастролей. Пресса отметила, что Бурмистрова «психологически убедительно раскрывает сильный характер своей героини, женщины, способной в тяжелейших жизненных обстоятельствах не утратить любви к жизни, сохранить веру в торжество светлых идеалов» (Д.Велиева. «Спасибо тебе, театр!» «Заря Востока», 14 августа 1984 года).

Кстати, в одной из публикаций о Бурмистровой определяется ее главная тема – быть проводником гуманизма. И проводит она ее с полной отдачей своего сердца и ума, со вкусом и тактом. Для Ната-

льи Михайловны, человека и актрисы, самым важным всегда было нравственное начало. Именно этот момент наиболее значим в ее Кире Игнатьевне – героине пьесы «Звезда немого кино» И.Ольшаницкого, постановку которой осуществил Г.Черкезишвили. Бурмистрова играет актрису с несложившейся творческой судьбой. Да, Кира Игнатьевна

▲ «Старомодная комедия» - Лидия. 1981

не стала «звездой немого кино», о чем мечтала. Но она состоялась как человек. Человек, способный жить радостями и горестями других людей, откликаться на все лучшее в них, находить счастье в общении, дружбе. Кира Игнатьевна не зря прожила свою жизнь.

Как та же Роза из спектакля

«Улица Шолом-Алейхема, дом 40». Бурмистрова относилась к ней с особой нежностью – Роза тоже была для нее воплощением доброты и света. Спектакль пользовался большим успехом у зрителей. И во многом благодаря актерскому мастерству Натальи Михайловны Бурмистровой.

«Старая Роза в великолепном исполнении Н.Бурмистровой – женщина трудной биографии, пережившая гражданскую и Отечественную войны. Все было в жизни этой женщины, но горе, заботы не сломили, не согнули «бабу Розу». Она осталась как бы душой целого двора, где все считаются с ней. Роза – Бурмистрова любит соседей почти так же, как своих детей, любит свой город без высоких фраз – просто, ведь это

▼ «Уступи место завтрашнему дню»
- Люси Купер. 1970

ее жизнь. И вдруг все беспощадно рушится – сыновья решили уехать в Израиль. Н.Бурмистрова держит нерв роли, точно передавая душевное состояние героини, ее отчаяние. Она потеряла на войне одного сына и теперь не хочет расстаться с двумя другими. Что и говорить, трудный выбор, но она делает его, хотя внутренним чутьем догадывается, что ее решение – последовать за сыновьями – убьет мужа. Игра Бурмистровой построена на стремлении старой доброй женщины взять на себя всю тяжесть происходящего. Ее душевное состояние, ее муку выдают глаза, голос. Она в отчаянии, ведь соседи, друзья отвернулись от нее, даже любимый буфет – символ семейного благополучия, ее корней в родной земле – никто не хочет принять от нее в подарок. С большой силой убедительности играет актриса финальную сцену прозрения. «Это мы его убили», - говорит она сыновьям об отце. И звучит это как предостережение, как боль за ушедшее человеческое счастье» (Н.Шалуташвили. «Перед выбором». «Вечерний Тбилиси», 17 октября 1986 г.).

Наталья Михайловна не раз говорила, что очень любит свою Розу – предводительницу шумного одесского двора, еще и потому, что этот образ соединяет комедию и жизненную драму. А это всегда интересно большому артисту. Кстати, за эту работу она была награждена премией Министерства культуры Грузии и Союза театральных деятелей Грузии.

Психологическая драма для

▲ «Улица Шолом-Алейхема, дом 40»
- Роза. 1986

двоих «Трагический поединок» А.Ставицкого (поставил спектакль Гурам Черкезишвили), отразившая политические реалии 30-х годов прошлого столетия, была еще одним испытанием на актерскую зрелость. Зрители становятся свидетелями психологической схватки героев. Наталья Бурмистрова не раз выступала в спектаклях для двоих, но темы были совершенно другие. А здесь ей пришлось столкнуться с коллизией, имеющей отношение к нашей трагической истории. Революция, репрессии... Героиня Бурмистровой – Гронина как раз и становится жертвой политических репрессий и переживает страшное разочарование. Она начинает осознавать, как страшна фанатичная вера в свою непогрешимость, понимать, что «бездумная, слепая вера способна породить самых страшных монстров, извратить самое святое,

превратить добро в зло, правду в ложь, правых в виновных». Как отмечает критика, «актриса ведет роль в строгой реалистической манере, но в ряде моментов прибегает к публицистичности, обращаясь прямо в зал и превращая зрителей из пассивных наблюдателей в соучастников, причастных ко всему происходящему» (Д.Канделаки. «Дуэт для солистов». «Вечерний Тбилиси», 18 апреля 1990 г.).

Одна из последних работ актрисы – мадам Вернье в спектакле «Загадка дома Вернье» Агаты Кристи (режиссер Лейла Джаши). «Вот уж поистине эта актриса не устает радовать и удивлять почитателей все новыми гранями своего таланта. За сценические сутки Марго проживает целую жизнь, переосмысливает свое отношение к людям, испытывает потрясения, горькие разочарования и радость, сомнения и надежду... Эта женщина как айсберг – на поверхности, на виду лишь мизерная часть ее «я», все остальное – подозрения, сомнения, страсти – глубоко внутри. Противоречивые чувства сталкиваются, бурлят, готовы взорваться, но внешне она – олицетворенная сдержанность. Лишь быстрый, как удар молнии, взгляд, реплика с подтекстом, реакция на ответ очередного из допрашиваемых приподнимает на мгновение завесу над ее сутью. О, она всех видит насквозь... Поразительно совпадает внешний облик героини с ее внутренней сущностью. Актрисе очень точно удалось найти пластическое выражение роли. На протяжении всего спектакля образ

▲ Н.Бурмистрова с коллегами

Марго Вернье обогащается все новыми красками. Если вначале ее захлестывает чувство мести, она одержима желанием хоть из-под земли найти предполагаемого убийцу – и расквитаться, то позже она оказывается способной прочувствовать и чужое горе, понять другого человека, простить его. В ней просыпается неведомое ранее чувство – тревога, что полиция, стремясь поскорее закрыть дело, может осудить невиновного» (Д.Канделаки. «В каждой душе есть что-то светлое». «Вечерний Тбилиси», 15 апреля 1993 г.).

В 1997 году Наталья Бурмистрова пережила страшный удар – смерть любимого мужа, актера, художника, автора юмористических экспромтов и дружеских шаржей, своего многолетнего спутника и друга, Игоря Ивановича Злобина. Переживания не могли не сказаться на здоровье актрисы. Она серьезно заболела, и со сценой пришлось распрощаться... Лишь однажды она

вновь переступила порог театра – на презентации своей книги «Путешествие во времени», ставшей последней ролью Натальи Бурмистровой. Было много именитых гостей, красивых цветов, чудесной музыки, слов, полных обожания и восторга. Оказавшись в своей родной театральной стихии, Наташа была счастлива, вновь, несмотря на возраст и болезнь, блистала красотой и женственностью, давала интервью, улыбалась, принимая комплименты.

▲ С Игорем Злобиным

Вечер получился ностальгическим и очень светлым... но потом нужно было возвращаться домой, в опостылевшую спальню, в болезнь, в пустоту.

Говорят, мечта каждого актера – умереть на сцене. Ни один представитель этой профессии не торопится уйти на покой, добровольно расстаться со сценой. Не стремилась к этому и Наталья Бурмистрова. Она

долго еще надеялась, что вернется в родной театр. Но болезнь была неумолима – она прогрессировала, не оставляя никаких иллюзий. 19 августа 2008 года Наталья Бурмистровой не стало – сердце актрисы, столько любившее, пережившее и радости, и горести, остановилось.

КОЛЛЕГИ, ДРУЗЬЯ, ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ...

Судьба подарила Наталье Михайловне встречи с незаурядными людьми. В своей автобиографической книге «Путешествие во времени» она особое место уделила актерам, с которыми ей довелось выходить на сцену.

«...Екатерина Александровна Сатина, единственная народная в театре. Прелесть, что за человек! Добрейшая душа... Один недостаток: ни на минуту не забывала, что она народная. Это служило поводом для шуток, правда, незлобных. Сатину любили, у нее было чему учиться...

Загорский, Добжинский, Вяземский – артисты с хорошей школой, хорошими традициями. Потом к ним присоединился комик Бросевич. И,

наконец, приехал Анатолий Ермилов. Такой невидный, незаметный, а вышел на сцену, и все увидели: гигант! Когда он на чеховском вечере читал «Тапера», вся труппа стояла в кулисах и слушала. К сожалению, он рано умер.

Был в театре еще один очень интересный актер – Анатолий Дмитриевич Смиранин, личность необычайно эксцентричная, яркая. Все, что он делал на сцене, разрушало каноны, было неожиданно, непредсказуемо, талантливо. Мне пришлось неоднократно партнерствовать с ним. Это было довольно сложно, хоть и интересно, потому что манера игры Смиранина не укладывалась в обычные рамки.

Затем в театре появился Аполлон, красавец с русыми кудрями, голубыми, как небо, глазами, высокий, с прекрасной фигурой Ванечка Русинов. С его приходом раздвинулись рамки репертуара. На афише появились «Коварство и любовь», «Собака на сене», «Благочестивая Марта» и целый ряд других классических пьес, для которых требуется чистейший герой-любовник. Ваня был актером несколько декоративным, но с большим обаянием и опытом, великолепный партнер. Он имел головокружительный успех у зрителей. С ним пришла целая эпоха фанаток-поклонниц.

Позднее в театр из Киева приехали Боря Ставицкий, Юрий Шевчук, из студии Малого театра – Павел Луспекаев, его жена Инна Кириллова и Николай Троянов. Все они сразу завоевали достойные места в ре-

Корнелий Санадзе. П-т Н.Бурмистровой

пертуаре, но такого места, какое занял Паша Луспекаев в искусстве вообще, не занял никто. Он сразу стал ведущим артистом нашей труппы и в дальнейшем приумножил свои успехи в кино и в ленинградском БДТ.

Мне привелось встретиться с Луспекаевым на сцене в нескольких спектаклях. Особенно запомнилась совместная работа в «Чайке». Человеком он был буйным, несобранным, быстро переходящим от ярости к нежному раскаянию. Его

побаивались, но любили. Луспекаев очень дружил с моим мужем Игорем Злобиным. Их называли «два Аякса». Вместе озорничали, устраивали розыгрыши. Единственным человеком, который обладал способностью умирять луспекаевские страсти, был, пожалуй, Игорь...

Павел мог еще очень многое сказать в театре, если бы не его человеческие слабости, которые слишком рано отняли у искусства этого большого художника.

Затем в театре появился прибывший из Гори благодаря хлопотам режиссера Рубина худощавый, необыкновенно пластичный молодой человек – Арчил Гомиашвили. Так же, как Луспекаев, он сразу стал ведущим актером театра. Гомиашвили был артистом истинного перевоплощения. Его роли в спектаклях «Счастливый неудачник», «Во дворе злая собака», «Требуется лжец», «Двое на качелях» – это перлы искусства. А как он этого добивался – секрет изобретателя.

А потом на афише появились новые имена: герой и победитель Ефим Байковский, Данила Славин, Юрий Суханов, известный зрителю по работе в ТЮЗе. Из Донбасса прибыл высокопрофессиональный артист Михаил Иоффе, надолго ставший моим постоянным хорошим партнером. Среднее и молодое поколение было удачно представлено такими актерами, как Борис Казинец, Волемир Грузец, Виктор Захаров, Валерий Харютченко, Элизбар Кухалеишвили. В последние годы проявил себя как интересный актер

Джемал Сихарулидзе.

Что я все о мужчинах? Ведь наш театр не был японским театром Кабуки, где играют одни мужчины. У нас были женщины, и какие!

Я вспоминаю фотовитрину нашего театра в Сочи и группу отдыхающих, стоящих около нее. Они оживленно обсуждали наши фотографии, отдавая должное привлекательности актрис театра Грибоедова. Действительно, многие из них были весьма хороши собой... И прекрасная, как камень, бывшая звезда немого кино Белла Белецкая, и победительница Людмила Врублевская, и красавица Тамара Белоусова, виртуозно исполнявшая роли обольстительных женщин, и одаренная Нелли Килосанидзе.

Зрители любили беленькую курносенькую кубышечку, сгусток энергии и юмора Надю Сперанскую. Приехала из Москвы ученица вахтанговской школы, талантливая артистка Валентина Семина, которая долгое время занимала достойное место в этом театре.

▼ С Н.Свентицким и Э.Кухалеишвили

Как метеор, мелькнула в нашем коллективе Ара Шенгелая, замечательно сыгравшая Анну Франк.

В театре служила выпускница ГИТИСа Лариса Крылова, блеснувшая в начале своей карьеры в целом ряде ролей и незаслуженно, непонятно не востребовавшая потом.

Позднее в театре появились новые женские лица, привлечшие внимание и симпатии зрителей, - Людмила Артемова-Мгебришвили, Ирина Мегвинетухуцеси и целый ряд способных молодых актрис.

Я прошу прощения, если за давностью лет не упомянула кого-нибудь из своих товарищей. Но я счастлива, что долгие годы мне пришлось работать среди талантливых, любящих свое дело людей...

Однако каков бы ни был актерский коллектив, без режиссера, без выразителя его чаяний и надежд театр «глух».

Александр Такашвили, Гавриил Гвиниашвили, Абрам Рубин, Леонид Варпаховский, Александр Гинзбург, Нелли Эшба, Мери Ольшаницкая, Арчил Чхартишвили, Тенгиз Кандикипанидзе, Серго Челидзе, Гига Лордкипанидзе, Котэ Сурмава, Александр Товстоногов, Гизо Жордания, Гоги Кавтарадзе, Лейла Джаши, Гурам Черкезишвили... Со всеми названными режиссерами Наташе довелось встретиться в творческом процессе и о каждом из них она отзывалась с уважением и признательностью. Очень сожалела, что не удалось поработать с нынешним художественным руководителем театра Автандилом Варсимашвили.

▲ С А. Варсимашвили и
Дж. Сихарулидзе

Впрочем, это было сожаление взаимное. Режиссер видел ее в роли мадам Ракен в спектакле «Тереза Ракен» Золя, с нетерпением ждал начала репетиций, но все ограничилось первыми встречами: болезнь не позволила Наталье Михайловне продолжить работу в спектакле...

«Сейчас театром руководит Автандил Варсимашвили, - пишет она в своей книге. - Я видела только один его спектакль – «Тереза Ракен», поставленный с большой выдумкой, яркими мизансценами, с глубоким раскрытием образов: я имею в виду Ирину Мегвинетухуцеси – Тереза и Джемала Сихарулидзе – Лоран. Увы, мне не пришлось работать с этим режиссером: судьба распорядилась так, что я рассталась с театром. Но Варсимашвили – человек энергичный, с широкими планами и, судя по всему, театр в его руках обретет новое дыхание».

В книге воспоминаний она отдает дань любви не только актерам и режиссерам, но и директорам – Додо Антадзе, Павле Габелаки, Поко Мургулия, Шалве Габескирия, Отару Папиташвили, Гиви Бараташвили, с уважением пишет об «очень энергичном, инициативном человеке, обладающем безусловным административным даром, Николае Николаевиче Свентицком».

Не забывает Наталья Михайловна и о незаметных тружениках театра, которые делают общее театральное дело:

«Я вспоминаю старичка-суфлера дядю Ваню Родионова. В свое время он суфлировал Комиссаржевской. Дядя Ваня безумно любил театр... Сидя в своей суфлерской будке и приняв традиционные 100 грамм, он проигрывал с нами весь спектакль. Зачастую в особо драматических сценах утирал слезы, а в отдельные моменты выражал свое одобрение беззвучными аплодисментами.

Не забуду нашего «громовержца» Нину Грудзинскую, заведующую костюмерным цехом. Мы страдали от ее буйного характера, но работником Нина была идеальным, берегала каждую тряпочку. При ней костюмерная была на высшем уровне.

Малюсенькая Кнарик Папавян, хозяйка нашей красоты – гример-парикмахер. Своими золотыми руками она создавала парики, каждый из которых был шедевром. Наши ласковые «тети»-одевальщицы – тетя Лена, тетя Полина, тетя Рая. С

какой теплотой я вспоминаю каждую из них!..»

Актриса дорожила творчески и человеческими отношениями, связывающими ее с грузинскими (и не только грузинскими) деятелями культуры, называла себя счастливым человеком, ведь судьба одарила ее дружбой с выдающимися, уникальными людьми – такими, как Акакий Хорава, Верико Анджапаридзе, Корнелий Санадзе, Серго Закариадзе, Георгий Асатиани, Акакий Двалишвили, Марина Тбилели, Гига Лордкипанидзе, Сулхан Цинцадзе, Елена Кипшидзе, Резо Габичвадзе, Сейрик Шеконян, Сос Сосьян и многими другими.

«Мы посещали премьеры, юбилеи друг друга. Случалось, что в нашем театре играли грузинские актеры. Например, в «Бесприданнице» моим партнером был прекрасный актер и очаровательный человек Георгий Давиташвили, сыгравший Паратова. В спектакле «Деревья умирают стоя» Касона у нас гастролировала незабываемая Верико Анджапаридзе. Свою дипломную работу – «Сокровище» Пристли – Роберт Стура сдавал в нашем театре. Михаил Иванович Туманишвили ставил в грибоедовском пьесу А.Миллера «Мост» к наслаждению занятых в спектакле актеров. Медия Кучухидзе очень интересно поставила у нас «Дневник Анны Франк» с прелестной Ариадной Шенгелая в главной роли.

Режиссер одного из моих любимых спектаклей «Двое на качелях» - грузинский мэтр Арчил Чхартишви-

ли.

Наше общение не ограничивалось только творчеством. Мы общались и дружили и вне театра.

Очень внимателен был к моему творчеству Акакий Алексеевич Хорава. При всей своей занятости он неоднократно приходил на спектакли с моим участием и по окончании обязательно заглядывал ко мне за кулисы, чтобы побеседовать со мной по поводу роли.

Снимаясь в России в фильме «Великий воин Албании Скандербег», он встретился с моим горьковским режиссером Левкоевым и сказал ему: «Ваша Бурмистрова очень прижилась у нас в Грузии. Мы ее любим». Вскоре я получила письмо от Левкоева, в котором он передал мне эти слова Акакия Алексеевича.

▼ На презентации книги воспоминаний

▲ С грузинскими деятелями культуры

Трогательно относилась ко мне одна из моих любимых актрис Сесилия Такашвили. Талантливейший Васо Годзиашвили проявлял ко мне дружелюбие и уважение. Я постоянно вспоминаю моего милого и смешного поклонника Сандро Жоржолиани. Не говорю уже об актерах моего поколения – Котэ Махарадзе, Медее Джапаридзе, Медее Чахава, Додо Чичинадзе... Всех нас всегда связывали теплые приятельские отношения.

Вспоминаю один случай, связанный с обожаемым мной Михаилом Ивановичем Туманишвили. Поставив у себя в руставелевском театре «Иркутскую историю», он пришел посмотреть наш утренний спектакль, в котором я играла Валю. По окончании он ждал меня у театра и проводил до дома. Почти всю дорогу он молчал, а потом вдруг сказал: «Ведь, наверное, я умнее тебя и творчески оснащен сильнее... Как же я не догадался, какая Валька, а ты догадалась...» Я могла ответить только одно: «Я видела десятки таких Валеков, а вы их не видели». Меня

покорила скромность этого маститого режиссера. Я сожалею, что мне не выпало счастье поработать с Туманишвили хотя бы в одном спектакле.

В моей жизни было много интересных встреч. Я вспоминаю свое общение с гениальным Сергеем Параджановым. Во время моих личных гастролей в Ереване, где я играла в спектаклях «Требуется лжец», «Двое на качелях», «Иркутская история», по окончании представления он забирал меня к себе, знакомил с интересными людьми. Наши беседы не прекращались до утра.

Популярнейший ныне Армен Джигарханян был моим партнером в «Иркутской истории». Он играл Сергея. Это был тогда худенький застенчивый молодой человек. Армен интересно мыслил и уже тогда чувствовалось, что его судьба в театре сложится удачно.

Милый, милый, «печальный клоун», талантливый, рано ушедший из жизни Леня Енгибаров. Я вспоминаю тебя... Как много ты еще мог сделать! До сих пор бережно храню

▼ С грибоедовцами

твою фотографию с надписью «Наташе от Рыжего».

Смешной и трогательный Фрунзик Мкртчян. Как приятно воскресить в памяти минуты нашего общения! Боже мой, сколько хороших и интересных людей я встретила на своем пути! Мне повезло...

Есть бабочка-однодневка, и если в этот единственный день ее жизни идет дождь, она уходит в небытие с сознанием, что жизнь — это постоянный дождь. К счастью, я прожила много дней, в которых было больше хорошего, чем плохого, больше хороших людей, чем плохих. И я думаю, что жизнь — это солнечный день, несмотря на дожди и грозы».

ИЗ КОПИЛКИ ЮМОРА

О чувстве юмора Натальи Бурмистровой ходили легенды. Вот несколько ее перлов.

ШУТНИКИ

Однажды вечером прочли на коллективе пьесу «Заговор обреченных» Вирты. Пьесу посредственную, ура-патриотическую. Такие драматические произведения в то время шли косяком. В пьесе «Заговор обреченных» две главные героини — молодые красивые женщины. Одна

— советская коммунистка, другая — венгерская, Ганна Лихта.

Утром следующего дня в фойе старого помещения театра имени А.Грибоедова рядом с кабинетом художественного руководителя Александра Александровича Така-

▲ Мы — актеры. 1950-е гг.

ишвили на подоконнике сидят два закадычных друга и озорника — Павел Луспекаев и Игорь Злобин. По лестнице фойе поднимается народная артистка Грузии Екатерина Александровна Сатина, замечательная комедийная актриса на роли старух и милейшая добрая женщина, до старости сохранившая детскую наивность и непосредственность.

Вдруг Паша изрекает: «Вот, Екатерина Александровна, вы все говорите, что хотите сыграть советскую женщину, а вчера читали пьесу, где для вас есть роль. А вас на читке не было!» - «Какую роль?» Возникает Игорь Злобин: «Роль венгерской коммунистки Ганны Лихта!» Екатерина Александровна молча идет в кабинет Такаишвили, входит и говорит: «Как я должна это по-

нять? В пьесе есть для меня роль, а меня не приглашают на читку». Такаишвили округлил свои и без того круглые глаза: «Кого вы хотите играть?» - «Ганну Лихта!» - «Кто вам это сказал?» - «Мои друзья – Паша и Игорь!» Такаишвили через паузу взял со стола пьесу и молча протянул ее Сатиной. Выйдя из кабинета, «Катюша» торжественно подняла пьесу над головой и, хитро подмигнув ребятам, удалилась.

Вслед за ней вышел А.Такаишвили со страдальческим лицом. Подошел к шутникам и сказал: «Ребята, я уже немолодой человек, и здоровье у меня неважное. Пожалейте хоть вы меня!»

На другой день Екатерина Александровна вошла в кабинет худрука и, ни слова не говоря, положила пьесу на письменный стол. Было видно, что она смущена и расстроена. Такаишвили нашел Луспекаева и Злобина и сказал: «Во всем должна быть мера! Вы расстроили старого человека и должны немедленно извиниться». Паша и Игорь нашли Сатину и стали просить у нее прощения. Она сурово взглянула на них и сказала: «Вы злые, плохие мальчики!» А потом улыбнулась: «Но я вас все равно люблю!» Далее последовали поцелуи и примирение.

КАК Я НЕ СТАЛА МАСТЕРОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

Проработав два года в театре Грибоедова, я, что называется, стала входить в моду. С каждой ролью

▲ На торжественном вечере

популярность моя росла, и меня стали приглашать для участия в правительственных концертах.

Должна сказать, что всю жизнь я очень много читала и особенно любила стихи. Я никогда не упускала случая присутствовать на концерте наших замечательных чтецов – Журавлева, Шварца, Яхонтова, Эммануила Каминки. Но сама я читать со сцены совершенно не умею, несмотря на смежность профессий – актер и чтец.

Так вот, о правительственных концертах. Я с большой неохотой шла на них. Читала посредственно, не доставляя удовольствия ни себе, ни зрителям, но считала неудобным и даже аполитичным отказываться от участия в таких мероприятиях.

И вот однажды я в очередной раз была приглашена для участия в правительственном концерте. Должна была читать стихотворение, посвященное революционеру Морису Торезу. Начиналось оно так: «Морис Торез, и замолк весь зал, и голос гремит с трибуны...» Придя в оперный театр, нарядившись, я сто-

яла за кулисами, ожидая своего выхода. В концерте принимали участие все сливки театрального Тбилиси — народные артисты, актеры, певцы, танцоры. А я была просто артисткой Бурмистровой, но, несмотря на это, меня встретили довольно дружными аплодисментами. Это меня вдохновило. Я вышла на сцену с независимым видом, взглянула в огромный темный зал, где белели лица сотен

▲ Д.Славин, Б.Белецкая,
Н.Бурмистрова, И.Русинов

зрителей. На меня были направлены лучи прожекторов. И я бойко начала: «Морис Торез, и замолк весь зал, и голос гремит с трибуны...» И вдруг — щелк. Дальше не помню. Я покрылась холодным потом и с отчаяния решила начать сначала. Может быть, с разгона и проскочит. И снова «и замолк весь зал» - и замолкла я. Подо мной закачалась сцена. В голове пронеслось: «Какой позор!» Я невольно схватилась за сердце, наклонила голову, сказала: «Простите!» И ушла со сцены. За кулисами ко мне бросились актеры: «Наташа! Что с тобой, с сердцем плохо?» Мелькнула мысль: «Это выход!» Меня

повели в гримерную, предложили вызвать врача, но я сказала: «Нет-нет, мне уже лучше!» Кто-то накапал валерьянки и подал мне. Погасили верхний свет, оставив включенной только настольную лампу. Положили меня на диванчик: «Отдыхай!» И вот я лежу в темноте и думаю: «Зачем я пошла на сцену? Какой позор!» В комнату влетает мой коллега Иван Русинов. «Наташа, что с твоим сердцем?» Я сажусь и говорю: «Ваня, я просто забыла текст!» Всклипывая, я прочитала ему проклятое стихотворение от начала и до конца. «Не переживай, на сцене все бывает!» - сказал Русинов. - Одевайся, я провожу тебя до служебного входа».

Я шла по празднично освещенному проспекту Руставели, а жизнь казалась мне темной-темной. Ночь я не спала. Наутро с ввалившимися щеками я пришла на репетицию. Ваня Русинов встретил меня в коридоре и спросил: «Ну, как, мадам Журавлева, спали?» Я безнадежно махнула рукой. «А ты знаешь, ты здорово выкрутилась. Ведь все поверили, что тебе плохо с сердцем. Вот уж поистине артистка!»

Вот так я не стала «мастером художественного слова».

АФРОДИТА, ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕНЫ

Первый день работы в театре Грибоедова нового директора Додо Антадзе начался у меня с неприятности. Шли детские каникулы. Я играла утром и вечером. Мне даже некогда было принять душ. В театре

▲ На трибуне

под сценой таковой имелся.

В спектакле по пьесе Корнейчука «Макар Дубрава» я играла врача. Роль неважная, но проходит по всему спектаклю. В начале первого акта я прощалась со своим отцом и говорила: «Пойду по вызовам больных!» Второй мой выход был в конце второго акта, и я решила воспользоваться «окном» и принять душ. Предупредив свою одевальщицу, чтобы она мне постучала в антракте, я спокойно спустилась в душевую. В самый разгар своего омовения я услышала топот по лестнице. В дверь яростно забарабанили. Я спросила: «Кто там?» Ответил помреж Сеня Кубарев: «Наташа, твой выход!» Что в такой ситуации чувствует оглоленный человек? Паника... Я поняла, что не успею одеться, привести себя в порядок и выйти на сцену, на которой царила в это время долгая мучительная пауза. Не испытывая ни малейшего стыда и желая лишь доказать, что мое появление на сцене невозможно, я распахнула дверь и предстала перед Сеней как Афродита из пены морской. Кубарев

вскрикнул, всплеснул руками и кинулся обратно на сцену. Как актеры вышли из создавшегося положения, не знаю. Когда я, одевшись, на подгибающихся ногах, поднималась по лестнице, актеры мне аплодировали, хохотали, только что не свистели.

Антадзе доложили о случившемся. Он спросил: «А как у нее вообще с дисциплиной?» Ему ответили: «Она образец для всех!» Антадзе подумал и сказал, что не хотел бы начинать свой первый день в театре с выговора.

Прошел год. Мне казалось, что все забыто. Ан нет. Надо сказать, что Антадзе был добрым, но вспыльчивым человеком. А в выражении негодования — неистовым. За малейшую провинность кричал: «Всех пер-р-р-рес-треляю!» Мы тихо улыбались... Но однажды он вдруг произнес такую фразу: «Вы думаете, я не знаю, что ваша народная артистка вместо того, чтобы играть на сцене, купалась в душе? Додо все знает и все видит!» Антадзе действительно все видел и знал. При нем в театре царил исключительный порядок.

«СЕСТРА МОЯ И ВАСЬКА!»

На заре туманной юности я работала в Петропавловске (Казахстан), в молодежной труппе под руководством Лебедева. Несмотря на мою молодость, мне стали доверять ответственные роли. В пьесе Горького «На дне» я играла Наташу, возлюбленную Васьки Пепла, любовника моей сестры. И в конце пьесы та

в приступе ревности опрокидывает на Наташу кипящий самовар. За кулисами страшный крик, и на сцену выносят мою героиню. Звучит последний монолог: «Люди добрые, сестра моя и Васька сгубили меня, сироту несчастную!» И т.д.

Так было всегда. И вот однажды мы работали летом в городском саду на полузабытой площадке. Время было позднее, и основная публика была на танцевальной площадке. Свет в нашей части сада был потушен. Стояла жара, а мне очень захотелось пить. Я спустилась к стоящему рядом квасному ларьку и попросила: «Дайте мне квасу!» - «Деточка, квасу нет, есть медок!» - «Ну, это еще лучше!»

Я выпила огромную пивную кружку этого напитка и через несколько минут почувствовала себя весьма странно: голова кружилась, ноги не подчинялись - напиток оказался хмельным. К моменту, когда меня вынесли и положили на сцену, кроме слов «сестра моя и Васька!», я не могла произнести ни слова, так как была совершенно пьяна.

Наутро висел грозный приказ: «За появление на сцене в нетрезвом состоянии артистку Бурмистрову с такого-то числа освободить от работы в театре». Мне стало дурно, я рыдала, меня еле довели домой.

Я пыталась бессвязно рассказать эту историю. Старшие актеры пошли заступиться за меня, хорошо ко мне относясь и жалея, просили заменить меру наказания, объясняя причину моего поступка. Директор смягчился: «Ну ладно, Наташа – девчонка

хорошая! Приказ я отменю. Но пусть до завтрашнего дня она помучается, и это будет ей наукой на всю дальнейшую жизнь».

На следующий день появился приказ: «Во изменение приказа такого-то заменить меру наказания строгим выговором с предупреждением, что в случае повторения случившегося она будет уволена». Я испугалась на всю свою жизнь. Наверное, поэтому я больше никогда не пила алкогольных напитков.

О НЕЙ ГОВОРИЛИ, О НЕЙ ГОВОРЯТ...

Автандил Варсимашвили,
*лауреат Государственной премии
Грузии, лауреат премии
им. Котэ Марджанишвили:*

- Наталья Михайловна Бурмистрова прожила яркую жизнь, полную драматизма и одиночества. Такова судьба всех великих. Она и есть великая актриса. Она народная артистка не только по званию. Она одна из последних великих народных актрис. Мое заявление, возможно, звучит сегодня слишком круто. Другие времена, другое поколение, другие духовные ценности. Но пере-

▲ **Наталья Бурмистрова**

бирая в памяти все, что было, и все, что есть сегодня, я пытаюсь сопоставить масштаб известности, любви народной и боюсь, что впереди ничего подобного не будет. На встречах со зрителями старшего поколения я не припомню ни одного случая, когда, узнав, что я художественный руководитель Грибоедовского театра, меня не спросили бы о Наталье Бурмистровой. Она оставила в сердцах зрителей память, какую оставляют только великие.

Николай Свентицкий,
заслуженный деятель искусств РФ:

- Наталья Бурмистрова – это эпоха в театре Грибоедова. Выдающаяся актриса, выдающийся гражданин. Она могла бы украсить любую сцену мира. Ее приглашали театры Москвы и Ленинграда, но она полюбила

Грузию и осталась здесь, предпочтя театр имени А.С. Грибоедова. Бурмистрова по праву являлась почетным гражданином Тбилиси. Наталья Михайловна была любимицей всего грузинского народа и своих коллег...

Армен Джигарханян,
народный артист СССР:

- Я любил и буду любить вас всю свою жизнь, моя дорогая Наташа! Вы одна были моей самой удивительной партнершей. Вы должны были жить бесконечно, потому что вы редчайший случай оправдания нашей сомнительной профессии перед Господом Богом!

Эдуард Шеварднадзе,
экс-президент Грузии:

- Я смотрел все спектакли с участием Натальи Михайловны Бурмистровой, был постоянным зрителем театра имени А.С. Грибоедова. Это выдающаяся актриса, выдающийся деятель искусств. Ее невозможно было не заметить, не запомнить.

Виктория Сирадзе,
государственный и общественный деятель:

- Тонкое, совершенное искусство этой удивительной актрисы берет свое начало в глубинных недрах жизни неизбалованного судьбой простого человека из народа. И неудивительно, ведь очень молодая Наталья Михайловна прибыла в Грузию уже с солидным житейским и профессиональным опытом. С самых первых постановок на сцене театра имени А.С. Грибоедова ей удалось поко-

рить людей своей высокой сценической культурой, художественной манерой, индивидуальным почерком. Всегда играла легко и просто, страстно и горячо, правдиво и убедительно, искренне и трогательно; свободно владела чувствами зрителей. Всеми силами души и сердца она отдавалась каждой роли.

Я хорошо помню почти все спектакли с ее участием: «Бесприданница» Островского, «Живой труп» Толстого, «Чайка» Чехова, «Иркутская история» и «Таня» Арбузова, «Коварство и любовь» Шиллера, «Нора» Ибсена, «Потопленные камни» Мосашвили, «Единственный свидетель» братьев Тур, «Барабанщица» Салынского, «Двое на качелях» Гибсона... Сильная, волевая и умная, стройная и красивая, трепетная и гордая, она работала всегда страстно и самоотверженно. Поражали ее неутомимая энергия, необычайная трудоспособность, профессиональные навыки, знание жизни и человека, серьезность игры, пластика, ритм, тщательная продуманность каждого движения – поистине сплав значительного и обаятельного таланта значительной и обаятельной личности. И еще нечто завораживающее зрителей. Вряд ли по рассказам возможно зримо представить себе искусство любимейшей актрисы, постичь могучую и удивительную силу ее дарования, духовного и эмоционального воздействия. Конечно, работы актера надо видеть собственными глазами, самому почувствовать силу его таланта, глубину чувств, которые волновали, радовали, потрясали зрительный зал

в тот час.

Работая в высших эшелонах власти Грузии, я часто общалась с Натальей Бурмистровой и не раз убеждалась, как много у нее достоинства. И это проявлялось во всем – в отношении к искусству, к людям, к явлениям действительности; в ее гражданской ответственности за театр и за себя.

Свидетельством гражданских и творческих достоинств личности актрисы явилось ее избрание (дважды!) депутатом Верховного Совета. В эти годы проявилась присущая ее натуре потребность активно участвовать в судьбах людей, всемерно помогать им, участвовать в принятии важных государственных решений...

В последнее время, после перестройки, развала страны, разрухи и краха вечных ценностей жизни, мы изредка общались по телефону, обсуждали реалии материального обнищания и духовного обеднения людей, дурманящую зрителя жизнь «из телевизора», в которой господствуют «развлекуха», ложь, жестокость, насилие и секс. Да, наше будущее – в прошлом, как сказал Мэлор Стюрау.

Гайоз Жордания,
*народный артист Грузии, лауреат
премий имени Шота Руставели,
Котэ Марджанишвили, Сандро
Ахметели:*

- Помню, я только пришел в театр имени Грибоедова. Это было летом. Иду я как-то по улице Сулхан-Саба и вижу перед собой женщину. Она была идеально сложена и гордо неслла свою красивую, величественную фигуру! «Кто эта женщина?» - заин-

тересовался я. И вдруг она оглянулась. «Боже мой, да это же Наталья Михайловна! - воскликнул я, узнавая актрису. - Здравствуйте! Какая вы прекрасная!» - «Да? Очень приятно!» - ответила она. Поднялись в театр. Через некоторое время Бурмистрова поднялась ко мне и спросила: «Скажите честно, на сколько лет я выгляжу?» - «На сорок три!» - «Нет, давайте условимся — на пятьдесят три!» - возразила актриса, улыбаясь. Наталья Михайловна, даже будучи в возрасте, выглядела просто прекрасно — живые, молодые глаза, изумительная, мраморная кожа. Настоящая русская красавица, аристократка. В ней есть особое благородство и доброта. А актриса? Она была великолепна! Потрясающий профессионал... Жизнь примадонны в театре сложна. Вокруг них всегда нездоровые разговоры. Обычно у примадонн свои причуды. Как правило, они ипохондрики, истерички. Но Наталья Михайловна была исключением. Она была принципиальная, но кроткая в работе. Все время шла навстречу, анализировала, просила объяснить то или иное режиссерское решение. Я объяснял... Бурмистрова приходила на следующую репетицию и все делала блестяще. Иногда Наталья Михайловна подчинялась режиссеру как ребенок. Случалось, вступала и в полемику, но поспорить с ней было интересно. Никогда после спора не оставалось неприятного осадка, как это часто случается. И при этом — великолепный партнер. Бурмистрова не тянула на себя актерское одеяло, не выпячивала себя.

Всегда играла главное — явление, то, что продиктовано предлагаемыми обстоятельствами.

В театре всегда существовала и существует зависть, но казалось, что это ее не касалось. Настолько она была величественна и великолепна! С ней приятно было посидеть, поговорить. Мне довелось с ней поработать на репетициях спектаклей «Дорогая Памела» и «Старомодная комедия»... Все говорят о ее «Барабанщице». Зрители приходили на этот спектакль вовсе не только для того, чтобы посмотреть, как Бурмистрова раздевается. Ее работа была настолько глубока, что спектакль оставлял очень грустное чувство. Зрители восторгались и плакали... Она великолепная актриса реалистической школы. Был у Натальи Михайловны и комедийный дар. Это была высокая комедия!

Помню ее работу в спектакле «Странная миссис Сэвидж». Обычно, когда наши актеры изображают иностранцев, возникает чувство неловкости — слишком уж получается искусственно. А у Бурмистровой этого не было: ее миссис Сэвидж была настоящая, органически жила на сцене. В этой органике она сверкала как звезда. С Натальей Михайловной всегда приятно было быть рядом — хотелось к ней прикоснуться, приласкать. К ней всегда тянуло — в ее природе был какой-то магнит.

Ирина Гоциридзе,
театральный деятель:

- Очаровательная женщина, красавица, она быстро завоевала сим-

патии зрителей. Публика шла «на Бурмистрову». Она органично вписалась в актерскую среду, в грузинское общество. На нее строился репертуар театра. Одна за другой следовали блестяще исполненные роли. Независимо от жанра Бурмистрова всегда покоряла зал своим обаянием и манерой исполнения... Как хорошо она говорит о себе: «Я родилась, чтобы жить в Грузии. Здесь меня окружили заботой и вниманием. Рядом были близкие люди, дорогие моему сердцу. Здесь я служила любимому делу, значит, жизнь моя была прожита не зря!» И это правда!

Просматривая пожелтевшие от времени афиши: «Барabanщица», «Иркутская история», «Бесприданница», «Чрезвычайный посол», «Двое на качелях», «Миллионерша», «Требуется лжец», «Чайка»... В спектакле «Уступи место завтрашнему дню» Наталья Бурмистрова сыграла первую возрастную роль. Партнером был Мавр Пясецкий. Волнующие образы в их исполнении пронзили сердца зрителей, зал плакал в сцене расставания героев. Да разве перечислить все спектакли, с блеском сыгранные Натальей Бурмистровой? Она прожила яркую творческую жизнь на сцене Грибоедовского театра со всей мощью своего огромного дарования и обаяния.

Дорога ее жизни была усыпана цветами, освещена восторгом и любовью зрителей — поклонников ее большого таланта. Когда она шла в любимый театр, ее сопровождали восхищенные взгляды прохожих, а вековые платаны, украшающие про-

спект Руставели, шелестя своей листвою, шептали ей ласковые слова и... «браво!» Она всегда обладала светлым умом, отличной памятью и твердо верила в мудрость пословицы «Что на роду написано, то и будет!» Она верила, что у каждого человека своя судьба, и эта судьба неотступно следует за ним, как тень...

Валерий Квливидзе,
*профессор Института
ядерной физики МГУ:*

- Я был ее верным зрителем. Юность моя пришлась на время, когда Бурмистрова блистала на сцене Грибоедовского театра. Духовный облик нашего поколения формировался не без ее влияния. Мы, мальчики и девочки конца 40-х годов — начала 50-х, узнав о том, что кто-то из нас идет в Грибоедовский театр, обычно спрашивали: «На Бурмистрову?» И

▼ «Коварство и любовь» - Луиза

▲ «Пламенный мечтатель» - Фаридз

получив утвердительный ответ, говорили: «Счастливчик!» Таким счастливчиком бывал и я. Как прекрасно быть современником выдающихся мастеров сценического искусства, которые несут в народ культуру!

Медая Чахава,
народная артистка Грузии:

- Мы актрисы одного периода, начинали почти вместе. Она приехала в Тбилиси молодой актрисой, подающей надежды, и мы вместе начали расцветать. Наташа иногда упрекала меня, что я не видела многих ее работ... Но я была так занята тогда – практически каждый вечер выходила на сцену и просто не могла выкроить свободный вечер. А вот сейчас у меня есть время, но, увы, Наташа по болезни рассталась со сценой... Я

столько слышала восторженных откликов на роли, сыгранные ею! Мои родители часто ходили на спектакли театра имени Грибоедова и даже сравнивали наши с Наташей работы. У меня всегда было к ней самое теплое отношение. Наташа меня никогда не считала соперницей, хотя нас, естественно, сравнивали. Тем более, что иногда мы играли одни и те же роли. Общность творческих биографий сблизила нас. И меня всегда подхлестывало, что я не хуже Наташи!..

Мы редко общались, но очень любили друг друга. Больно, что она в конце жизни осталась одна. А ведь у нее была такая «спина», талантливый друг – Игорь Злобин. Наташа глубоко переживала его уход. Она осиротела, одной ее «половине» стало очень тяжело. Наташа – великая актриса... Жаль, что болезнь не позволила ей вернуться на сцену.

Темур Чхеидзе,
народный артист Грузии,
народный артист России:

- Бурмистрова – одна из величин нашей театральной культуры, одна из прекрасных актрис XX столетия. Целая эпоха в жизни Грибоедовского театра. Она была больше, чем звезда. Имя Бурмистровой останется в истории театра. Для меня Наталья Михайловна – профессионал высокого ранга и очаровательная женщина.

Ариадна Шенгелая,
народная артистка Грузии,
народная артистка России:

- В 1963 году, когда я пришла в театр имени Грибоедова, царила эпоха Натальи Михайловны Бурмистро-

вой. Она была для меня символом! Красивая, стройная, поющая, танцующая, умная, остроумная, собирающая толпы поклонников, ведущая репертуар театра. Наталья Бурмистрова – это интересные, яркие спектакли и переполненные залы. Помню свой первый восторг... Да, это была эпоха Натальи Бурмистровой!

Гига Лордкипанидзе,
народный артист СССР:

- Большим театральным явлением оказалось выступление Натальи Бурмистровой в спектакле «Барабанщица», когда она стала любимицей тбилисской публики. Все мужчины – полгорода, были в нее влюблены. Это неудивительно – она была такая эффектная, красивая, талантливая: довольно редкое соединение качеств! Бурмистрова – настоящая актриса, и при этом трудоспособная, вдумчивая, с четким гражданским отношением к своей роли, к пьесе! Она не шла к роли только по наитию, но умела анализировать. Наталья Михайловна органично вошла в театральную жизнь Грузии, Тбилиси. У нее было много возможностей уехать в Москву, Ленинград. Мой учитель Георгий Товстоногов говорил мне, что предлагал Бурмистровой перейти в БДТ, но она отказалась... Наташа и ее муж Игорь Злобин были активными участниками театральной жизни города. Помню замечательные выступления, литературные и художественные экспромты Игоря на всех юбилеях... Наташа – это тот случай, когда русская актриса стала любимицей грузинского тбилисского зрителя.

Мне посчастливилось встретиться с ней несколько раз в работе – не только когда я сам ставил спектакль, но и когда выпускал премьеру в качестве художественного руководителя. Особенно мне запомнилась встреча с ней в работе над спектаклем по пьесе Веттлингера «Человек со звезды», в котором Наталья Михайловна сыграла сразу пять ролей. Ее партнерами были Юрий Шевчук и Арчил Гомиашвили. Это был праздник театра! Наташа проявила не только присущую ей органику, правдивость, но и удивительную способность к перевоплощению – она создала пять совершенно разных образов. Мы получили от этой работы большое удовольствие... Помню ее в спектакле «Уступи место завтрашнему дню» Дельмара, в котором ее партнером был замечательный Мавр Пясецкий. Они составили прекрасный актерский дуэт.

Наташа была настоящей актрисой школы МХАТа. Во всех своих ролях она была очень правдива, ее сценические действия были всегда психологически оправданы. Она была мастером, ярким представителем русского реалистического психологического театра, театра Островского, Чехова, Горького. Она не выносила на сцене балагурство, наигрыш...

Жаль, что Наташа долгие годы была вне театра. Кроме уважения к искусству Бурмистровой, я испытывал ней чувство любви – чисто по-человечески. Она была очень принципиальный, строгий и вместе с тем очень добрый человек. Такие актеры, как Наташа, необходимы те-

атру не только своими ролями, но и самым своим существованием, они играют большую роль в жизни театра. При Наташе нельзя было халтурить ни на сцене, ни на репетиции. Она умела отдаваться творческому процессу полностью, и того же требовала от других.

Ирина Мегвинетуцеси,

лауреат премии

им. Котэ Марджанишвили:

- Когда я сыграла одну из своих первых ролей в премьерном спектакле «Доходное место» Островского, Наталья Михайловна подарила мне набор матрешек и открытку с добрыми напутствиями... Признаться, это стало для меня огромной неожиданностью. Ведь Наталья Михайловна всегда была и остается для меня актрисой-легендой, окруженной тайнами. И вдруг – такое внимание ко мне, молодой, начинающей актрисе со стороны большого мастера. Это показалось мне тогда хорошим знаком, откровением и признанием. И в дальнейшем я чувствовала со стороны Бурмистровой расположение. Почему? Не знаю... Я всегда обожала стиль Натальи Бурмистровой. В любой ситуации она оставалась и остается женщиной. Помню, Наталья Михайловна лежала в госпитале, и я навестила ее. Обстановка палаты была далека от комфорта, тем не менее, на столике актрисы лежал флакон французских духов. Ее женственность мне всегда безумно нравилась...

Валерий Харютченко,

артист театра имени

А.С. Грибоедова:

- Как-то я ехал в такси, завязался разговор. Водитель, симпатичный, веселый человек, узнав, что я актер театра имени Грибоедова, спросил: «Как там наша Наталья Бурмистрова? Мы ведь все были влюблены в нее». «Как это?» - поинтересовался я. «Да очень просто. Сначала в нее тайно влюбился мой отец, мать даже ревновала его. Правда, Наталья Бурмистрова ей самой очень нравилась. А мой дядя даже подтрунивал над отцом, дразнил его странным тогда для меня словом «поклонник», при этом он как-то хитро подмигивал. Но когда дядя сам впервые попал в театр и увидел «Барабанщицу», то погрузился и сказал отцу, что он его понимает. Пришла пора и моей влюбленности. В Грибоедовский театр нас впервые повели всем классом – тогда это называлось «кульпоход». И смотрели мы спектакль, который, кажется, назывался «Уступи место... какому-то дню». «Завтрашнему!» - напомнил я. «Да, завтрашнему!.. Очень печальная история. Потом мы даже писали сочинение на тему этого спектакля, и я назвал тогда Наталью Михайловну своей самой любимой актрисой, с самого первого взгляда, потому что через нее я узнал, что такое настоящий театр. Так что можно сказать, что вся наша семья любила и любит эту актрису». Мы доехали. Я достал бумажник, но таксист замал руками и сказал, что ни за что не возьмет денег с человека, который работает с самой Бурмистровой.

Целую жизнь прожил я в Грибоедовском театре рядом и вместе с Натальей Михайловной. Я всегда восхищался этой замечательной актрисой, учился у нее. Семь долгих последних лет Наталья Михайловна была прикована к постели, но она не теряла мужества. Ее жизненной энергии можно было только позавидовать. В том, как она мыслит, в ее воспоминаниях о прошедшей, наполненной разнообразными событиями жизни, о театре – во всем пульсирует ее яркая личность. Несмотря ни на что, проглотив очередную пилюлю горького лекарства, она не теряла чувства юмора и продолжала свой мастер-класс. Светлым, добрым талантом наградила Господь этого человека. В свое время я сыграл в пьесе Ставицкого «Улица Шолом-Алейхема, дом 40» сына Натальи Бурмистровой. Так сложилась жизнь, что за последние семь лет мы стали большими друзьями, близкими людьми.

Людмила

Артемова-Мгебришвили,
заслуженная артистка Грузии:

- Более полувека она оставалась первой актрисой театра имени А.Грибоедова, что до нее не удавалось никому. И все эти годы зрители обожали Наталью Михайловну, восторгались ею. Я счастлива и горда тем, что мне довелось играть в спектаклях рядом с блистательной Бурмистровой. С нежностью и благодарностью вспоминаю эти минуты. Я очень любила и ценила нашу Наташу, как мы ее за глаза называли, за ее удивительный талант, необычайную

▲ «Человек со звезды» - Мод. 1964

скромность и редкую в нашей профессии доброжелательность. За все эти долгие годы совместной работы я не помню ни одного случая, чтобы Наталья Михайловна кого-то оскорбила, обидела или просто осудила.

Нелли Узнадзе,
журналист:

- Роль Тани стала началом ее блистательной карьеры. В студенческие годы автору этих строк довелось видеть в этом спектакле знаменитую Марию Бабанову, для которой драматург написал эту пьесу. Но лично я отдаю пальму первенства Наталье Бурмистровой. Она покорила тогда всех своей искренностью и сценическим обаянием. Секрет творческого долголетия Бурмистровой заключался, говоря словами одной из ее героинь, в

умении «укреплять в нас веру, что жизнь – магическое приключение». Переживая на сцене наше отчаяние, безверие, усталость, она всегда дарила нам надежду. Она вживалась в каждую исполняемую роль независимо от жанра, всегда была убедительна и точна. Возможно, в этом и есть ее артистический феномен.

Гуранда Габуния,

народная артистка Грузии:

- Наталья Бурмистрова – божественная актриса, которая на сцене могла делать все: она была трагическая, драматическая, лирическая, комическая – всякая. Она настоящая звезда – прекрасная актриса, да и внешне очень привлекательная. Замечательная фигура, красивое лицо и одновременно яркий талант – сейчас такое сочетание все реже и реже встречается на сцене и в кино... А без этого я не мыслю искусства!

Роберт Стура,

народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР:

- Она была необычайно красива на сцене – я имею в виду и физическую, и духовную красоту. Искусство Натальи Михайловны – часть моей жизни, которая, увы, является далеким воспоминанием. Первый спектакль я поставил в театре имени А.С. Грибоедова – «Сокровище» Пристли.

К сожалению, Бурмистрова не играла в нем, хотя я мечтал с ней поработать. У нас были общие планы, мы их обсуждали, но, к сожалению, судьба не позволила нам соединиться в работе.

Георгий Безиргани,

журналист:

- Грибоедовский и Бурмистрова – два этих имени неразрывны в нашем сознании. В самом деле, можно ли представить себе театр имени Грибоедова без Бурмистровой, отдавшей этой старой сцене полвека жизни, жар души и лучшую кровь сердца?! Без Натальи Михайловны театр – как Кахети без гряды виноградников, как Сванети без сторожевых ее башен, как Тбилиси без твердыни Нарикала.

Верико Анджапаридзе,

народная артистка СССР:

- Наташа Бурмистрова с необыкновенной верой в будущее выходила на сцену. И это будущее ей не изменило!

РОЛИ, СЫГРАННЫЕ В ТЕАТРЕ ИМЕНИ А.С. ГРИБОЕДОВА

«Великая сила» Б.Ромашова – Любаша
 «Таня» А.Арбузова – Таня
 «Чайка» А.Чехова – Нина Заречная
 «Бесприданница» А.Н. Островского – Лариса
 «Живой труп» Л.Толстого – Маша
 «Коварство и любовь» Ф.Шиллера – Луиза
 «Дачники» М.Горького – Мария Львовна
 «Иркутская история» А.Арбузова – Валька
 «Кукольный дом» Г.Ибсена – Нора
 «Дворянское гнездо» И.Тургенева – Лиза
 «Барабанщица» А.Салынского – Нила Снижко
 «Шестой этаж» А.Жери – Жермен
 «Странная миссис Сэвидж» Д.Патрика – миссис Сэвидж
 «Двое на качелях» У.Гибсона – Гитель Моска
 «Орфей спускается в ад» Т.Уильямса – Лейди Торренс
 «Человек со звезды» К.Веттлингера (несколько ролей)
 «Деревья умирают стоя» А.Касоны – Марта
 «Чрезвычайный посол» братьев Тур – Елена Кольцова
 «Единственный свидетель» братьев Тур – Анна Степановна Сабурова
 «Миллионерша» Б.Шоу – Эпифания
 «Тополек мой в красной косынке» Ч.Айтматова – Кадича
 «Не называя фамилий» В.Минко – Поэма
 «Ценою жизни» братьев Тур – Софья Ковалевская
 «Уступи место завтрашнему дню» В.Дельмар – Люси Купер
 «В этом милом старом доме» А.Арбузова – Юлия
 «Стомодная комедия» А.Арбузова – Лидия Васильевна Жербер
 «Дорогая Памела» Д.Патрика – Памела
 «Улица Шолом-Алейхема, дом 40» А.Ставицкого – Роза

Всего около 200 ролей

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვემარტივად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებას საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები, ხოლო XVII საუკუნის დასაწყისში რუსეთი გახდა იბერიის რელიგიური და დიპლომატიური მფარველი. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established, and in the beginning of the XVII century, Russia became the religious and diplomatic patron of the Iberian lands. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgirvski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
РОЖДЕНИЕ АКТРИСЫ	9
ДЕТСКИЕ ФАНТАЗИИ И ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	11
ДЖУЛЬЕТТА ИЗ БУГУРУСЛАНА	13
«Я ЕЩЕ НЕ УМЕЮ ВЫХОДИТЬ ЗАМУЖ!»	14
АКТЕРСКАЯ ШКОЛА	17
ВОЙНА... ВОЙНА	18
ОПЯТЬ С НУЛЯ	23
«ЭТО БЫЛ ПОИСТИНЕ РАДОСТНЫЙ КРАЙ!»	25
ТАЛИСМАН ПО ИМЕНИ ТАНЯ	26
«ГОЛУБЫЕ» ГЕРОИНИ	28
«ВКУСНЫЙ» ТАЛАНТ	30
ТАНЕЦ БАРАБАНЩИЦЫ	35
ДРАМА, КОМЕДИЯ, ВОДЕВИЛЬ, ГЕРОИКА...	36
ОТ БЛАНШ ДЮБУА ДО СОФЬИ КОВАЛЕВСКОЙ	39
БЛЕСТЯЩИЙ ДУЭТ	43
ВОЛНЫ ДОБРОТЫ	45
КОЛЛЕГИ, ДРУЗЬЯ, ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ...	51
ИЗ КОПИЛКИ ЮМОРА	57
О НЕЙ ГОВОРИЛИ, О НЕЙ ГОВОРЯТ...	61
РОЛИ, СЫГРАННЫЕ В ТЕАТРЕ ИМЕНИ А.С. ГРИБОЕДОВА	71

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке
**Департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы**

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ОНА БЫЛА ЗВЕЗДОЙ

НАТАЛЬЯ БУРМИСТРОВА

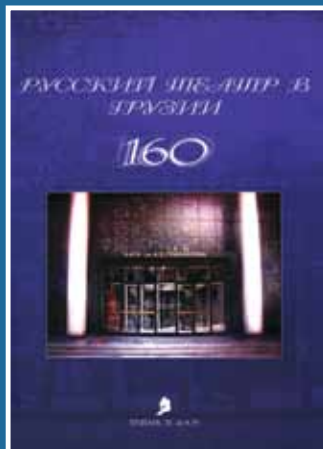
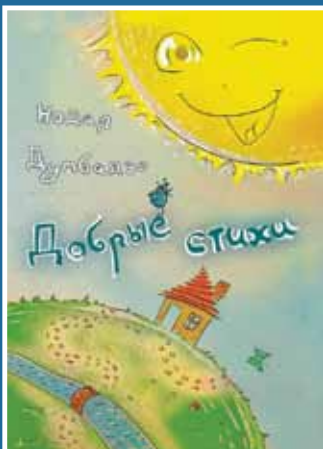
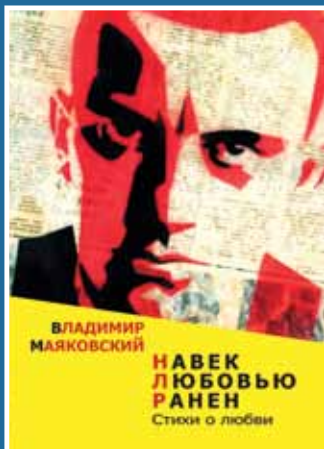
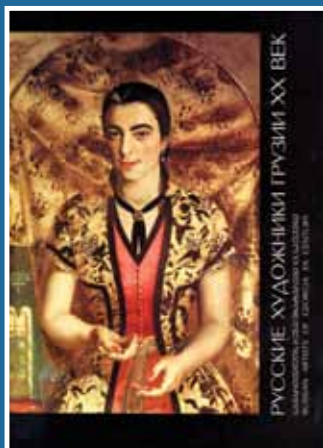
Редакторы
НИНА ШАДУРИ
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Технический редактор
ДАВИД АБУЛАДЗЕ

Фотографии
ИЗ АРХИВА ТЕАТРА ИМЕНИ А.С. ГРИБОЕДОВА

Над книгой работали
АЛЕНА ДЕНЯГА
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ

Безирганова Инна — филолог, журналист. Доктор филологии. Окончила филологический факультет Тбилисского государственного университета имени Ив. Джавахишвили. Защитила диссертацию «Мир грузинской действительности и поэзии в творчестве Евгения Евтушенко». Заведующая музеем Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. Корреспондент ряда грузинских и российских изданий. Лауреат профессиональной премии театральных критиков «Хрустальное перо. Русский театр за рубежом» Союза театральных деятелей России.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) - грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира - как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых - ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

